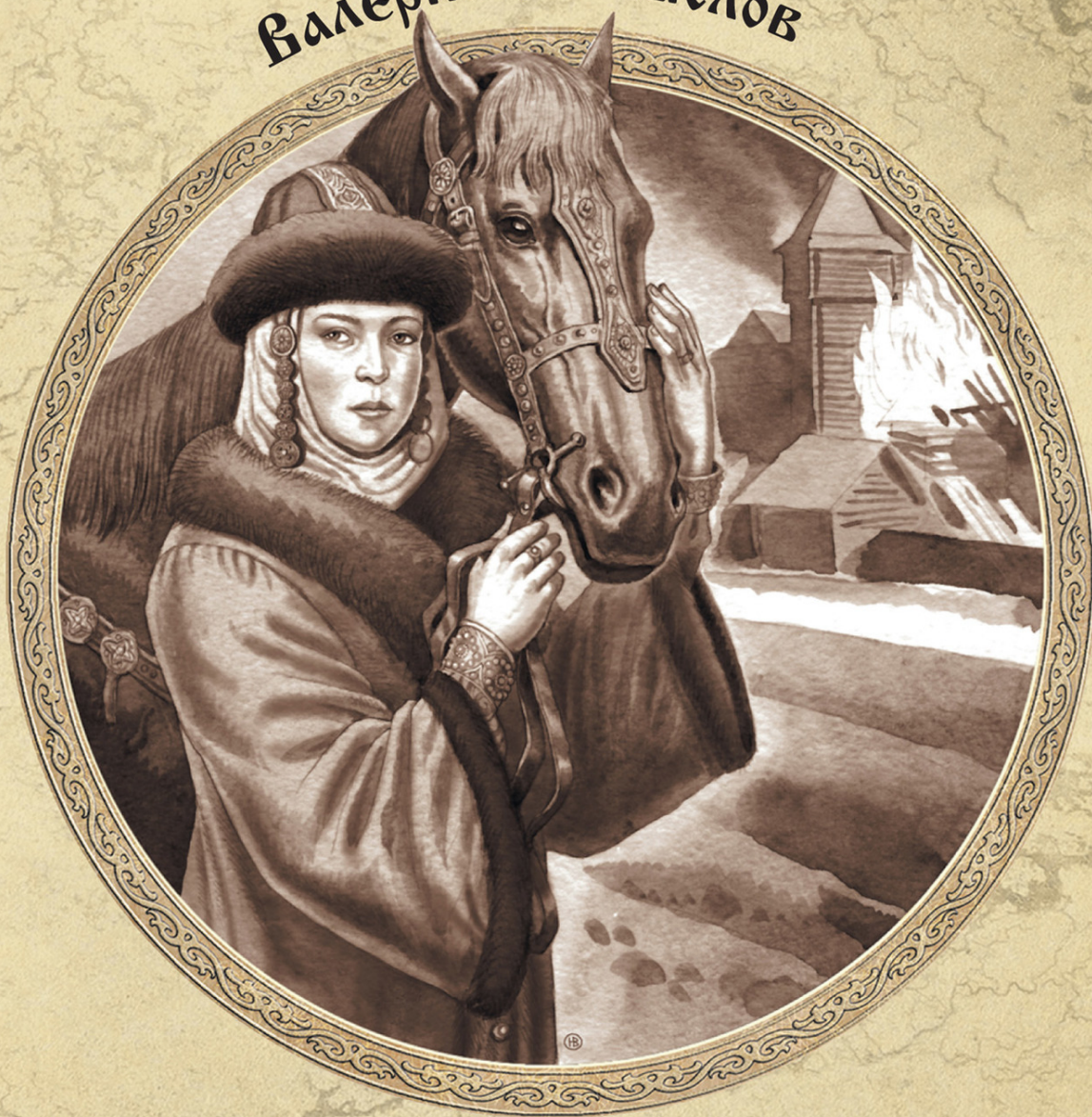

Ү истоков Руси

Валерий Замыслов

Святая Русь

княгиня Мария

У истоков Руси

Валерий Замыслов

Святая Русь. Княгиня Мария

«ВЕЧЕ»

2002

Замыслов В. А.

Святая Русь. Княгиня Мария / В. А. Замыслов — «ВЕЧЕ»,
2002 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8181-9

Середина XIII века. Мария, вдова ростовского князя Василько, погибшего в битве с татарами, намерена продолжать дело покойного мужа, сопротивляться установлению власти Орды. В глубокой тайне Мария готовит восстание в русских княжествах против татарского ига, хочет поднять простой люд Ростова Великого, Ярославля, Углича, Владимира, Суздаля, и пусть дело это не лёгкое, но если народ захочет – бездну перескочит. Княгине Марии – легендарной русской женщине, высокообразованной и деятельной правительнице – посвящена вторая книга исторической трилогии известного писателя Валерия Замыслова «Святая Русь».

ISBN 978-5-4484-8181-9

© Замыслов В. А., 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Народ захочет – бездну перескочит	6
Глава 2. Не постоял за Святую Русь	9
Глава 3. На одном полозу далеко не уедешь	11
Глава 4. Александр Невский	17
Глава 5. Мария и отец	24
Глава 6. Князь Михайла Черниговский	27
Глава 7. Андрей Букан и Палашка	32
Глава 8. Заговор	35
Глава 9. Мария и Александр	39
Глава 10. Старший брат Невского	47
Глава 11. Лазутка Скитник	51
Глава 12. За правое дело!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валерий Александрович Замыслов
Святая Русь
Княгиня Мария

*В России не много талантливых исторических романистов.
Валерий Замыслов – один из них.*
Валентин Пикуль

Часть первая

Глава 1. Народ захочет – бездну перескочит

Княгиня Мария, вернувшись из Белоозера в Ростов, похоронив мужа, не стала, как того требовал обычай, постригаться в монахини. Молвила епископу Кириллу:

– Прости, владыка, но я не пойду в обитель. Мне надлежит малолетних детей поднять.

– Но... как же на сие посмотрят благочестивые люди? Ведь можно, княгиня, управлять княжеством и из обители.

– Обитель – для служения Богу, а не для княжеских дел, – твердо произнесла Мария.

И епископ больше не приставал к Марии с этим вопросом. Ведал: княгиня, коль что задумает, решения своего не изменит. Значит, так Богу угодно.

Марии Михайловне после битвы на Сити было 28 лет. Совсем еще молодая женщина, но она даже не могла себе представить, какого чрезмерного труда потребует ростовское княжение.

После девяти, поблекшая и почерневшая от горя, Мария пришла к своему духовному отцу и заявила:

– Надумала я, владыка, монастырь ставить.

– Дело богоугодное, дочь моя, – осторожно кашлянул в густую бороду Кирилл. – Но по силам ли нам сие? Время ли ныне женские обители воздвигать?

– Допрежь отвечу на твой первый вопрос, святой отец. Сил и в самом деле мало. Казна пуста, вся она ушла на дружину и ополчение. А многих древоделов и каменных дел мастеров безбожные татары в полон свели. И все же нам повезло. Не зря Василько Константинович добрым мастерам приказал в лесах упрятаться. Самому на злую сечу идти, а у него дума о будущем Ростове. И о другом мыслил мой супруг. Придут ордынцы в Ростов, а в нем ни людей, ни богатств, нечем поживиться. Вот татары и ушли несолоно хлебавши. Бурундуй со зла приказал выжечь город, но, как только избы и хоромы огнем занялись, небывалая гроза с ливнем навалилась. Бог все видит. Бурундуй к Угличу спешил, почти весь Ростов и сохранился.

– Ты права, дочь моя. Божьим промыслом град уцелел... И все же где казны на монастырь сыскать? Я, конечно, внесу свой вклад, но этого зело мало. Женский монастырь – не церковь-обыденка¹.

– Не женский, а мужской, – поправила епископа Мария Михайловна.

– Мужской, – удивился владыка. – А я-то думал, что для себя хочешь обитель поставить, дабы, как дети подрастут, о душе своей подумать... Но на мужской монастырь денег еще более понадобится.

– Понадобится, еще как понадобится. То будет не простой монастырь, а добрая крепость. Есть у нас твердыня на восточной стороне Ростова – Авраамиев монастырь, – будет и на западной.

– Надеюсь, и место приглядела, дочь моя?

– Приглядела, владыка. На мысу озера Неро, в двух верстах от города, кой закроет подступы врагу с запада. На дороге будет стоять, коя ведет в Переяславль-Залесский и Москву, откуда и пришли ордынские полчища. Имя же монастырю, коль благословишь, будет Спаским, ибо Спас – защитник.

---

¹ Обыденка – небольшая одноглавая церковь, которую ставили всем миром за один день.

– Русь лежит в развалинах, не успела еще кровь высохнуть, а ты уже о защите державы печешься. Не рано ли, дочь моя? Сейчас дай Бог из пепелищ подняться. Нет такого князя, кто помышлял бы меч на Орду поднять.

– Есть такой князь, владыка. Двоюродный брат Василька Константиновича – Александр Ярославич.

Глаза епископа холодно блеснули.

– Сын нашего врага Ярослава Всеволодовича, кой вкупе с братом своим Юрием не единойды помышлял взять копьем Ростов? И не просто взять, а поубивать людей и пройтись огнем и мечом по всему Ростовскому княжеству. Отец Александра не любим всем народом русским. Не побоюсь этого слова. Но он подобен Иуде. Не он ли лобзал ноги Батыя, дабы получить от него ярлык на великое княжение. Выюлил! Даже брата своего, Юрия Всеволодовича, предал. Да ежели бы он пришел на Сить со всем войском, не видать бы Бурундую победы. Тьфу!

Владыка распалился не на шутку. Мария ведала: причина его гнева крылась глубже. Князь Ярослав Всеволодович отнял у Ростовской епархии все церковные владения, находящиеся в переяславских землях. И не только: Переяславль был передан в церковное подчинение Владимиру. Такого грубого вмешательства в церковные дела новый Ростовский епископ Кирилл Второй терпеть не мог.

– Речь не о Ярославе Всеволодовиче, святой отец, – мягко произнесла Мария. – Бог ему за все воздаст. Сын же за Ярослава не в ответе. Встречалась с ним в минувшее пролетье. Ныне ему восемнадцать, но совсем не похож на отца. Честен, отважен, горячо ратует за Русь. Мыслью, не пройдет и трех-четырёх лет, как о нем заговорят во всех княжествах. Вижу в нем не стяжателя и не корыстолюбца, а государственного мужа.

– Поглядим, поглядим, что из сего молодого князя получится, – продолжал осторожничать владыка. – И все же, где ты казны на монастырь наберешься после такого разорения?

– Твердыня нужна прежде всего народу, вот к нему и обращусь. Как сказывают: народ захочет – бездну перескочит. Кликну на помощь, или на толоку, как в миру говорят.

Мария подняла на епископа свои усталые, воспаленные глаза и молвила с надеждой:

– Ты всегда помогал мне, владыка. Обратись и ты к народу. Твое пасторское слово много значит.

– Помогу, княгиня. Я буду молиться за тебя во всех делах твоих.

Владыке можно было верить. Шесть лет он в Ростовской епархии и все эти годы был Васильку Константиновичу и Марии Михайловне надежным другом.

* * *

Монах Дионисий шел из Москвы в Ростов Великий. Позади остались выжженная обитель и храмы, дотла спаленная крепостица и трупы павших в лютой сече москвитян.

Монах был одним из «ученых мужей», отменным книжником и летописцем. Он не был еще стар и имел довольно крепкое тело. Шел берегом Москвы-реки в затрапезном подряснике и черной скуфье, опираясь на рогатый посох. За покатыми, выносливыми плечами – тощая котомка со скудным брашном; под мышкой висела на кожаном ремне скорописная доска, с вделанной в нее скляницей с чернилами, завинченной медной крышкой и связкой гусиных перьев.

Свежий майский ветер трепал продолговатую волнистую бороду, колыхал легкокрылые белые наверхья тщательно очищенных перьев.

Дионисий вышел к одному из поселений и содрогнулся. Все избы сожжены, а вокруг них валяются обглоданные собаками и вороньем тела зарубленных мужчин, женщин и детей. Видимо, поганые навалились внезапно, многие из мужчин не успели даже схватиться за топоры и рогатины. Ордынцы не пощадили даже стариков и младенцев. Тела молодых женщин и девушек были полностью обнажены и обесчещены, в некоторых из них торчали заостренные колья.

Инок упал на колени, закрестился. Господи! Какая злая погибель и какое же изуверство и варварское надругательство! Накажи изуверов, Господь всемогущий!

И чем дальше шел Дионисий по опустошенной Руси, тем все больше он видел страшные разорения и погибших русичей. Над костями и жутко оскаленными голыми черепами все еще кружились стаи воронов.

Иногда монаху встречались истощенные люди, пробиравшиеся из лесных урочищ к своим пепелищам, дабы предать земле сосельников. Тяжко было смотреть в их мученические, изможденные лица.

– А дале как быть, отче? – спрашивали погорельцы.

– Вся Русь впусте лежит. Помощи ждать неоткуда. Сбивайтесь в артели и рубите новые избы. Надо заново Русь поднимать.

Глава 2. Не постоял за Святую Русь

Не успели как следует просохнуть дороги, как через Ростов из Новгорода проследовала дружина Ярослава Всеволодовича, торопившегося занять, выклянченный у хана Батгя великокняжеский престол.

Встреча с княгиней Марией Михайловной была недружелюбной и короткой. Ярослав ни брашна не откушал, ни вина не пригубил. Властно молвил:

– Как великий князь всея Руси отдаю Ростов и Суздаль на княжение брату своему Святославу.

Ростовские бояре недоуменно глянули на Марию Михайловну. Княгиня же, обычно уравновешенная, на сей раз вспылила:

– Побойся Бога, князь Ярослав Всеволодович! До совершеннолетия Бориса Ростов должен унаследовать оставшийся в живых брат Василька Константиновича – Владимир.

– Кому и где владеть княжеством – мне решать, великому князю. И закончим на этом разговор. А коль замятню надумаешь учинить, то тебя и бояр твоих своевольных укажу в железа заковать.

Ярослав Всеволодович поднялся из кресла и ступил к окну.

– Глянь на мою мощную дружину. Весь детинец заполонила. А что у тебя, сирой вдовицы? Положил свою дружину на Сити твой неразумный муженек. Батгй ему дружбу предлагал, а он, видишь ли, погеройствовать захотел, самого хана победить, вот и получил по шапке.

Мария Михайловна гневно сверкнула очами:

– Муж мой за Отчизну кровь проливал, а вот ты и пальцем не пошевелил, дабы за святую Русь постоять. Больше того, на позорный поклон к Батгю побежал...

– Буде! – взорвался Ярослав. – Еще одно слово, и я прикажу кинуть тебя в темницу. Буде! К Марии Михайловне поспешил Неждан Корзун и, нарушая всякий этикет, крепко стиснул кисть ее правой руки.

– Ради Бога, успокойся, княгиня. Успокойся!

Мария Михайловна кинула на Ярослава осуждающий взгляд и молча вышла из покоев.

Неждан Иванович поспешил загладить ссору:

– Ты уж прости ее, великий князь. Ведь она токмо мужа оплакала. Мы в твоей воле.

– Ну-ну... Давно бы так, ближний боярин, – остывая, усмехнулся Ярослав. – У брата моего, Святослава, быть вам в полном послушании. Прощайте, бояре.

Великий князь, оставив в Ростове Святослава, повел свою дружину к Владимиру.

Бояре хорошо понимали, что Неждану Ивановичу Корзуну пришлось принять удар на себя. Не подойди он вовремя к княгине, и дело бы приняло дурной оборот. Понимали бояре и другое: Корзун, как и все ростовцы, презирает новоиспеченного великого князя и готов схватиться с ним в любую минуту. Но время сейчас играет на Ярослава: за ним не только сильная дружина, но и мощная поддержка хана Батгя. Ростову же надо выждать и вести тонкую дипломатическую игру. Этим новым искусством должна овладеть Мария.

Княгиня, провожая брата Василька – Владимира, с грустью молвила:

– Чаяла тебя видеть князем ростовским и углицким, да сам видел, не получилось. Ты уж не забывай меня в своем Угличе, навещай.

– Не забуду, Мария... А коль худо какое Ярослав замыслит, скачи в Углич, укрою тебя.

– Спасибо, Володя, но Ростов я ни при каких бедах не покину. Здесь муж мой покоится. Я ведь к нему каждый день хожу.

* * *

Святослав Всеволодович, шестой сын Всеволода Большое Гнездо, рожденный в 1196 году, правил Ростовом Великим спустя рукава. Он не был похож на своего вероломного и мстительного брата Ярослава, но мзду и всякие угощения уважал пуще меры. Бояре же (а ряды их после битвы на Сити заметно поредели) на мзду скупались: самим дай Бог прокормиться. Многие села и деревеньки смердов спалены, мужики разбежались в леса, поэтому на оброк надежда худая. А мужик ох как надобен! От него и хлеб, и лен, и мед, свиные и говяжьи туши... Он кормит, поит и одевает. Совсем худо без мужика!

Боярские холопы рыскали по лесам, в надежде разыскать оратаев, но оратаи (не лыком шиты) упрятались надежно – и от супостата, и от боярской кабалы. Сыщи-ка их!

Князь Святослав норовил бояр поприжать, но любое его повеление бояре встречали враждебно. Они, как и прежде, на дух не переносили ни бывшего Юрия Всеволодовича, ни нынешних братьев его. Одного корня! Известные недоброхоты Ростова, десятилетиями жаждающие подмять под пяту древнее, гордое княжество. Не получится! Видит кот молоко, да рыло коротко.

Тоскливо, неуютно чувствовал себя Святослав Всеволодович в Ростове Великом. Поглядел, поглядел на скудное ростовское сидение и через полгода укатил в Суздаль: может, там посытней и повеселей будет жизнь.

Старший брат пригласил Святослава во Владимир, забранился:

– Чего тебе в Ростове не сидится? Аль Мария с боярами угрожают?

– Не слышно, брате, крамолу не возводят. Да ить пора и в Суздале покняжить, теперь там посижу.

– Посиди, да недолго. Нельзя нам Ростов упускать. За ним глаз да глаз. Хитрей да горделивей ростовцев на Руси нет. К лету опять в Ростов поезжай.

Глава 3. На одном полозу далеко не уедешь

Вдругорядь Лазутка Скитник спас жизнь боярину Неждану Корзуну. (Первый раз – в сечах с волжскими булгарами.) Если бы не его богатырский меч, не удалось бы Неждану Ивановичу вырваться из ордынского окружения. Сложил бы голову на Сити боярин Корзун.

Уже в Ростове Неждан Иванович молвил:

– Ты у меня как ангел-хранитель, Лазутка. По гроб жизни с тобой не рассчитаюсь. Ты только скажи, чем тебя наградить.

– Заблуждаешься, боярин. Это я тебе обязан. Пять-то гривен серебра я тебе еще не отработал.

– Нашел чего вспомнить, – рассмеялся Корзун. – Хочешь, я тебя старшим дружинником поставлю. Вотчину дам, а там и до боярского чина один шаг.

Лазутка поклонился в пояс.

– Добр ты, Неждан Иваныч. Но я смердом родился, смердом и помру. Всяк кулик на своем месте велик. Ни о какой награде и мыслить не хочу.

– Редкостный ты человек, однако. Ну хоть что-то попросишь.

– Попрошу, Неждан Иваныч, еще как попрошу. Когда-то ты меня в сельские старосты уговорил. Нет ныне села Угожей, нет и мужиков, а без села нет и старосты. Так?

– Выходит, так.

– А коли так, отпусти меня, боярин. Мне надо семью свою сыскать.

– И упрашивать нечего. Дело святое. Дам тебе в помощь двух дружинников – и сыскивай с Богом.

– Я уж как-нибудь один, боярин. Лес, как свою длань, ведаю. Сыщу!

– Ну, как знаешь, Лазутка. А когда сыщешь, приходи ко мне. Хотел бы тебя подле себя видеть.

Лазутке долго искать свою семью не пришлось. Прежде чем уйти с дружиной на Сить, он молвил Олеся:

– Поезжай с детьми к отцу, и уходите к бортнику Петрухе. Туда к вам после Сити приду.

– А может, в селе остаться?

– Нельзя, родная. Чай, слышала, что толкуют о поганых. Они выжигают села и деревни, старых людей и младенцев убивают, а молодых уводят в полон. Пойдут на Ростов – спялят и Угожи. Надо немешкотно уходить. До избы бортника татары не доберутся.

Лазутка ушел на Сить. Олеся плакала навзрыд. На злую брань ушел ее самый любимый человек, ее ненаглядный, всегда желанный Лазутка. Уж так счастливо жили они последние годы! И вдруг эти треклятые ордынцы. Теперь – все покинуть: крепкий, добротный дом на высоком подклете, с белой избой, летней повалушей и нарядной светелкой, баню-мыленку, кою Лазутка срубил всем Угожам на загляденье, изукрасив ее дивной деревянной резьбой, будто саму избу украшал; покинуть просторный двор с погребками, ледниками и медушами. Всюду с любовью прошлась и ее заботливая, ловкая рука. Как берегла, как лелеяла она свой дом!

Лазутка не нарадовался:

– Вот уж и не чаял, что купецкая дочь такой рачительной хозяйшкой будет. Воистину: хозяйкой дом стоит. И до чего же славная ты у меня, Олеся!

Зардеется Олеся, глаза счастливо заискрятся: мужья похвала – лучший подарок. Уж такой довольной сделается.

А Лазутка стоит, любит свою жену, глаз не сводит. Наделил же Бог супругу не только искусной рукодельницей, неустанной труженицей, но и невиданной красотой, коя не только не поблекла после рождения троих сыновей, но еще больше расцвела.

Не выдержит, подхватит свою лебедушку на руки и закружит, закружит. А ночами, когда ребятня уснет, жарко прильнет к ее горячему телу. Страстными, хмельными были эти сладкие ночи!

Нет, тяжело было расставаться со своим домом Олесе. На селе суетятся встревоженные мужики, плачут бабы и мало-помалу покидают свои жилища. А Олеся все чего-то ждет-выжидает. Вот замаячит сейчас на околице гонец на взмыленном коне, что мчит от Ростова, и радостно крикнет:

– Татары разбиты! Дружина со щитом возвращается домой!

Но доброго гонца все нет и нет, лишь каждый день доходят до села худые вести:

– Поганые сожгли Переяславль.

– Татары близятся к Ростову!

Угожи почти опустели, в селе остались лишь самые стойкие семьи, коим, как и Олесе, не хотелось бросать свои давно обжитые дома. Они-то и явились к Лазуткиному двору.

– Чего не уходишь, Олеся Васильевна?

Олеся пожала плечами.

– И сама не ведаю. Дом жалко.

– Вот и нам жалко. Пришли к тебе, как к жене старосты. Посоветуй, как дале быть.

– Плохая я вам советчица. Но супруг мой велел немедля уходить. Да и сами слышите: супостат, чу, совсем близко.

– А куда уходить-то, Олеся Васильевна? Ведь с ребятней. Да и зима.

Олеся обвела глазами страдальческие лица сосельников и вдруг решила:

– Ведаю одно укромное место. Коль хотите, поедemте со мной. Авось как-нибудь разместимся.

– Поедем, Олеся Васильевна. Мы уж давно собрались.

Олеся погрузила узлы в сани, посадила на них тепло укутанных детей, а затем взяла в руки икону Пресвятой Богородицы и долго стояла с ней на коленях перед крыльцом, умоляя Заступницу спасти и сохранить от злого врага ее дом.

В Ростове отца и матери не оказалось. Город был пуст, и даже спросить было некого. Блуждали по осиротевшему Ростову лишь отошальные собаки.

* * *

Мужики ни коней, ни саней не захотели терять. Кое-где прорубались к заимке Петрухи топорами; два дня пробивались и вот наконец выехали на поляну с бортничьей избой. Из избы валил густой духмяный дым.

– Слава Тебе, Пресвятая Богородица, – перекрестилась Олеся. – Жив, выходит, Петр Авдеич.

Подождав, когда на поляну выберутся остальные сани, Олеся взяла на руки младшенького Васютку и, поскрипывая белыми валенками по искристому, кипенно-белому снегу, пошла к избе.

Бортник, не слыша, что творится за оконцами, затянутыми бычьими пузырями, ладил новую пчелиную колоду и, когда дверь с тягучим скрипом распахнулась, от неожиданности едва не выронил из рук топор.

– Можно ли к тебе, Петр Авдеич?

– Олеся Васильевна?! – радостно встрепенулся бортник. – Какими судьбами, голубушка? А я уж подумал, ведьмедь в избу вломился... Давай сынка-то на лавку.

Олеся виновато вздохнула.

– Не одна я, Петр Авдеич. От татар укрываемся. Лазутка к тебе надоумил. Ты выйди-ка из избы.

Петруха вышел и обмер. Батюшки-светы! Да тут, почитай, целая деревня привалила. Одной ребятни десятка три. Да где эку ораву разместить?

– То моя вина, Петр Авдеич. Лазутка-то меня одну с родителями посылал, а я, видишь ли, и других с собой прихватила. Теперь сама вижу, что неладное сотворила.

На Петруху выжидательно уставились хмурые мужики. Бабы же поглядели, поглядели и, взяв с саней ребятишек, рухнули на колени.

– Ты уж не гони нас, милостивец. Христом Богом просим!

Петруха от смущения сел на крыльцо, заморгал белесыми глазами и развел руками.

– Чай, не князь. Поднимитесь, православные. Всех приму. И в тесноте людишки живут, а на просторе волки воют. В лихую годину чем смогу, тем и помогу.

Полная изба набилась ребятни, а мужикам и бабам притулиться негде. Но Петруха успокоил:

– Есть сарай с сеновалом, конюшня, баня. Разместимся на первых порах. А завтра начнем избенки рубить. Сосны, слава Богу, хватает. Почитай, уж март приспел, солнышко пригревает. Проживем, ребяташки.

* * *

Конь Лазутки выехал на лесную поляну с другой стороны: Скитник ведал иные потайные тропы.

– Мать честная! – ахнул Лазутка, глазам своим не веря. На поляне выросли несколько маленьких избушек, с такими же маленькими дворишками. А подле них, радуясь погожему майскому дню, носились десятки ребятишек. Один из них, лет пяти-шести, вдруг остановился и с радостным криком кинулся к всаднику:

– Батя! Батеня-я-я!

Лазутка спрыгнул с коня и подхватил на руки старшего сына.

– Никитушка!.. С матерью все благополучно?

– А то как же, – важно отвечал Никитка. – Мамка моя за старосту, ее все слушаются.

– Ишь ты, – крутанул пышный ус Лазутка. – Мамка в избе у бортника?

– А где ж ей быть? Снедь готовит.

А Олеся (вот уж сердце-вещун!) вышла с липовой кадушкой к журавлю. Увидела высокого молодого мужика в голубой льняной рубахе, и кадушка выскользнула из ее руки.

– Лазутка! Любый ты мой!

Счастливо заплакала, зацеловала, заголубила, и лишь спустя некоторое время, когда на руках супруга оказались все трое ребятишек, обо всем поведала, добавив в конце:

– Ты уж не сердчай на меня. К отцу и матери я припоздала. А мужиков и баб с ребятенками пожалела, ослушалась тебя и с собой взяла.

– Да кто ж тебя винит, любушка? Молодец, что взяла. А бортник где?

– С мужиками ушел лес корчевать. Мужики-то надумали пашню орать, кое-кто с житом приехал.

– Далече ли?

– Версты за две. Там не густой перелесок. За неделю управятся.

Мужики встретили своего бывшего старосту и с удивлением, и... с напряженным ожиданием. Чего-то скажет человек боярина Корзуна? Да и другое волновало: чем закончилась сеча с погаными?

Лазутка повел разговор с последнего:

– Вести мои будут неутешительны, мужики. Почитай, вся рать на Сити погибла. Сложил голову и наш князь Василько Константинович и брат его Всеволод Ярославский. В живых остался лишь Владимир Углицкий.

Мужики понурились.

– Никак крепки татары? – мрачно спросил пожилой коренастый мужик Силуян с рыжеватой бородой.

– Не столь крепки, сколь многочисленны. Каждый наш воин бился с десятком ордынцев. Будь у нас новгородская и киевская дружины, не быть бы со щитом татарам. Бросили нас эти князья, да и не токмо они, вот и пришлось биться из последних сил.

– А что великий князь?

– На Юрии Всеволодовиче самая большая вина. Он все дружины по деревенькам распустил и сторожевой полк неудачно поставил. Ордынцы к сторожевым подкрались и всех перебили, а когда на стан великого князя напали, он токмо тогда начал дружины расставлять, но поставить полки так и не успел. Основной удар приняло на себя войско Василька Константиновича с его братьями. Князю Юрию Всеволодовичу ордынцы саблей голову отсекли. Взяли нас татары в кольцо, но кое-кому удалось прорубиться, и мне с боярином Корзуном.

– Выходит, живехонек остался наш боярин? – подал голос все тот же мужик Силуян. И непонятно было: то ли радуется оратай, то ли он огорчен.

– Был поранен, но остался жив.

– Да и у тебя на щеке отметина, – изронил один из мужиков.

– Ордынец сабелькой прогулялся. Слава Богу, вскользь.

– А что слышать о наших Угожах? – с робкой надеждой спросил другой мужик, худосочный, с острыми, бегающими глазами.

Лазутка вздохнул.

– Нет ныне, Вахоня, ни Белогостиц, ни Угожей, ни других поселений.

Мужиков эта новость омрачила больше других. Бабы заревели, а мужики еще больше насупились: нет тяжелее известия о гибели родного очага.

Лазутка, увидев вместо своего дома черное попелище, долго не мог прийти в себя. Жалость и злость заполнили его душу. Когда думал о свирепых ордынцах, скрипел зубами. Отомстить, отомстить извергам!

Поехал к боярину Неждану Корзуну и зло бросил:

– Ты вот меня к семье отпустил, а я как увидел свой спаленный двор, так нет у меня иной думы – вновь с погаными схватиться. Поеду татар сечь, они ныне по всем уделам рыскают.

– Глупо, Лазутка. Один в поле не воин. Ну, как богатырь, срубишь несколько голов и сам ляжешь. Велик ли прок?

– Так как же быть, Неждан Иваныч, как быть? – сжимая рукоять меча, горячо спросил Лазутка.

– Как? Нам теперь одно остается – выждать и копить силы, а уж потом вдарить. Терпи!

Прав боярин: на одном полозу далеко не уедешь. И впрямь надо терпеть. Настанет и для татар гибельный час.

С теми чувствами и поехал к лесной избушке бортника...

Удрученные сосельники мяли в натруженных руках войлочные колпаки, тяжело вздыхали и все почему-то поглядывали на Силуяна.

«Знать, большаком выбрали», – невольно подумалось Лазутке.

Так и есть: Силуян кинул на старосту цепкий, схватчивый взгляд и напрямик спросил:

– Никак, к боярину нас сведешь? Аль, может, самому князю донесешь?

Лазутка отозвался не вдруг, замешкался. Не простой вопрос подкинул Силуян.

– А что-то Авдеича среди вас не вижу.

– Был с утра, а затем в лес убежал борть искать. У него своих дел хватает, – пояснил Вахоня.

– Так-так, – неопределенно протянул Скитник и уселся на выкорчеванное дерево. Думал, скребя черную, кудреватую бороду. Если уж быть честным, то надо непременно боярину о

мужиках доложить. Вотчины его обезлюдели, оскудели, в немалой нужде сидит Неждан Иванович. Каждый мужик на золотом счету. Пошлет боярин своих смердов в осиротевшие вотчины и посадит на тягло. Конечно, на первых порах слабину даст, а затем поставит мужиков на полный оброк. Но такая жизнь мужикам не шибко-то и по нраву. Боярин хоть и не прижимист, но своего не упустит. Его двор обширен, всяких хозяйственных служб не перечесать, и все надо заполнить: хлебом, мясом, рыбой, медом, льном... Много всякого припасу надо: на то он и боярин, чтобы не бедствовать... Мужики же, по всему, надумали здесь остаться, на воле, без боярской кабалы. Места дальние, глухие, никто бы и не изведал. Обрастут более просторными избами, срубят часовенку, где можно Богу помолиться, раскорчуют леса, вспашут новины орами, засеют их житом – и живи-поживай...

А как же Петруха Бортник? После Третьего Спаса явятся к нему за медом княжьи люди, увидят деревеньку – и пропадай вольная община. Правда, бывший князь и не ведал, где бортничает на него Петруха. Знали о нем лишь четверо гридней, кои раз в год наведывались к Бортнику. (За Петрухой так и закрепилась эта кличка.) Гридни Василька Константиновича. Да они, почитай, все полегли на берегах Сити, едва ли кто из четверых остался в живых. В Ростов вернулась горстка дружинников, но все они из послужильцев боярина Корзуна, так что о заимке Петрухи никто не ведает. А уж новый князь Святослав Всеволодович тем более ничего не знает. Значит, дело за ним, Лазуткой.

Скитник поднялся с валежины, глянул в напряженные лица сосельников и молвил:

– Я вам никогда недругом не был. Возьму грех на себя. Ни боярину, ни князю о вас не поведаю. Коль надумали здесь лихую годину пережить, оставайтесь.

Мужики и бабы (вот уж русский обычай по любому поводу бухаться в ноги) повалились на колени.

– Премного благодарны тебе, староста!

– Николи не забудем милость твою, Лазута Егорыч!

– Может, и сам с нами останешься? Завсегда рады такому старосте.

– Неисповедимы пути Господни, мужики, – загадочно отозвался Лазутка и сел на коня.

* * *

Скитник прожил с семьей три дня (успел и с Петрухой наговориться), а на четвертый – пошел седлать коня.

– Куда же ты, любимый мой? – обеспокоилась Олесья.

– В Ростов. Надо о тесте разузнать. Не ты ль о родителях беспокоишься?

– Да как же не беспокоиться. Все же – отец и мать, да и о внучатах тревожатся.

– Все распознаю. А уж о внуках наверняка горюют. Угожи-то, сама ведаешь...

Лазутка распрощался с детьми, Олесей и помчал в Ростов. В городе ему повезло. Едва успел взбежать на крыльцо купеческого терема, как тотчас столкнулся с Секлетеей, коя увидела въехавшего во двор всадника из окна светелки.

Узнала Лазутку, всплеснула руками, запричитала:

– Горе-то какое, зятек! Доченьку с внучатами татаре загубили! От села – одни головешки, и людей, чу, всех саблями посекали.

– Не реви раньше смерти, теща. Дома ли Василий Демьяныч?

– В отлучке государь мой. На свой страх и риск по торговым делам уехал.

– Смел тестюшка.

– Уж куды как смел. Всюду татары шастают, а он в Новгород подался. Там, баает, басурман нет. Ох, не сносить ему буйной головушки.

– А где же он ране-то был, до татарского набега?

– Да все там же. Еще в зазимье туда укатил. Вот и сберег его Господь.

– А сама как уцелела?

– И меня Господь в беде не оставил. Все ростовцы город покинули, а я не посмела, волю государя своего исполняла. Строго наказывал: «Пуще глаз дом стереги. Авось и дочка с внучатами приедет». Вот и сидела, всех поджидая. А когда татары нагрянули, я на конюшне в сене спряталась. Весь день и всю ночь просидела, а потом, когда шум улегся, в избу потихоньку пошла. Тут у меня и ноженьки подкосились. В избе-то голо, шаром покати. Все, что годами наживали – псу под хвост. Жито, меды, вина, одежду, посуду, иконы – все выгребли. Деревянные ложки – и те забрали. Государь мой две седмицы назад вернулся – и за сердце схватился. Уж так сокрушался, сердешный! Но самая страшная беда, когда о погибели деточек изведаль.

Секлетея вновь заголосила.

– Хватит лить слезы, теща. Порадую тебя. Живы твои деточки.

– Ой ли, зятек? – не веря своим ушам, воскликнула Секлетея.

– Живы! И Олеся, и внуки твои. Токмо сегодня от них.

Секлетея кинулась к киоту (Василий Демьяныч успел поставить новые иконы), закрестилась.

Весь вечер просидел Лазутка у тещи, но самое главное утаил.

– Живы – и слава Богу, а где – не пытай. Мужу скажешь: в надежном месте. Успокой его, когда вернется. Я еще к вам наведаюсь.

Глава 4. Александр Невский

Нет, не зря предрекала Мария великую славу двоюродному брату Василька – князю Александру Ярославичу, не зря спорила с владыкой Кириллом, кой продолжал сомневаться в пророчестве княгини.

– Свинья не родит сокола. Каков батюшка, таковы у него и детки, – осторожничал епископ.

– В народе есть и другая пословица: «Отец отопком щи хлебал, а сын в воеводы попал». Александр – тверд, разумен, сторонник единой державы и горячий патриот Отечества. Он еще скажет свое веское слово. Убедена!

Не прошло и двух лет после сражения на берегах Сити, как о двадцатилетнем князе заговорила вся Русь.

Родился Александр 30 мая 1220 года в Переяславле-Залесском, где княжил его печально известный отец Ярослав Всеволодович, кой сидел много лет и в Великом Новгороде. (Дело в том, что новгородский князь приглашался из других удельных княжеств вечем, кое заключало с ним ряд – договор. Всю жизнь отец князя Александра то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз его прогоняли за крутой нрав и насилия.)

Детство Александра прошло в Переяславле. Княжеский постриг – обряд посвящения в воины – Александр принял в три с половиной года. Обряд совершался в Спасо-Преображенском соборе Суздальским епископом Симоном. От владыки получил юный княжич первое благословение на ратное служение, на защиту земли Русской и русской церкви.

В 1228 году отец посадил отрока-князя и его старшего, одиннадцатилетнего брата Федора на княжение в Новгород. Когда Федор неожиданно скончался в 1233 году, Александр стал самостоятельно править вольным городом.

Великий Новгород называли феодальной республикой, коя не испытала ужасов ордынского нашествия. Попытка хана Батые двинуть свои полчища на Новгород не увенчалась успехом благодаря мужеству русичей. (Тем не менее новгородцы вынуждены были признать себя зависимыми от Золотой Орды и платить дань ее ханам.)

Положение в Северо-Западной Руси было тревожное. Русскую землю опустошали татаро-монголы, а на северо-западных рубежах Новгородско-Псковской земли стягивались силы немецких, шведских и датских феодалов. В то же время Великое княжество Литовское пыталось захватить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Полоцко-Минской Руси и Смоленска.

В этот трудный момент новгородский князь Александр принял ряд спешных мер по укреплению западных рубежей Руси. Прежде всего надо было защитить Смоленск, где обосновался литовский князь. Александр (с помощью отца) разбил вражеское войско, взял в плен литовского князя, «потом урядил смольнян» и посадил им князя Всеволода, сына Мстислава Романовича, «и возвратился домой с большою добычею и честию». Именно с 1239 года и началось восхождение звезды восемнадцатилетнего Александра.

Тогда же по распоряжению Александра новгородцы соорудили укрепления на реке Шелони, вдоль которой проходил в Новгород путь с Запада.

Побеспокоился Александр Ярославич и о том, дабы в том же году упрочить связи Владимиро-Суздальской земли с Полоцком, женившись на дочери полоцкого князя Александре Брячиславне. Смысл этого брака был подчеркнут тем, что он праздновался в Торопце – опорном пункте обороны от литовских феодалов. Все эти военные и дипломатические меры принесли свои плоды: в течение ближайших лет войска Литовского княжества не нарушали русских рубежей.

Кстати, Александр праздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею». Один – в Торопце, другой – в Новгороде, словно хотел сделать новгородцев участниками семейного торжества.

Жених был среднего роста, и красив, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш (Андрей Вельвен – «муж опытный и добрый сподвижник великого ливонского магистра Германа Зальца»), повидав князя Александра, удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением. Я не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Иначе сложились дела на северо-западных рубежах. Немецкие крестоносцы готовили решительное вторжение на Русскую землю. Опасность усугублялась тем, что на этот раз в походе участвовала также и Швеция. Именно они первыми двинулись в наступление на Русь.

Князь Александр Ярославич незамедлительно позаботился об охране не только западных, но и северных рубежей, установив тщательную охрану залива и Невы. Здесь были низменные, серые лесистые земли, места труднопроходимые, и пути шли только вдоль рек. В районе Невы, к югу от нее, между Вотьской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями находилась Ижорская земля, в коей имелся специальный тиун, поставленный Новгородом. Старейшине Пелгусию князь Александр поручил «стражу морскую», то есть охрану путей к Новгороду с моря, коя стояла по обоим берегам залива.

Для похода на Русь шведский король Эрих Картавий выделил значительное войско под началом ярла (князя) Ульфа Фаси и зятя короля – Биргера.

Охотников поживиться русскими землями, уцелевшими после нашествия татаро-монголов, нашлось немало: шли светские духовные и светские рыцари-феодалы, искавшие в грабительском походе средств поправить свои дела, спешившие туда, где, казалось, можно было поживиться без особого труда.

Грабительский смысл похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» – католичество. К походу были привлечены и подсобные финские отряды из покоренных земель еми и суми.

Однажды на рассвете июльского дня 1240 года, когда старейшина Пелгусий был в дозоре на берегу Финского залива, он вдруг увидел шведские корабли «много зело», посланные в поход королем, кой собрал множество воинов: шведских рыцарей с князем и епископами, «мурманов» и финнов. Пелгусий торопко отправился в Новгород и рассказал князю Александру о кораблях. Александр Ярославич тотчас приказал собрать на Софийской площади свою дружину.

Шведские корабли тем временем прошли по Неве до устья Ижоры. Биргер и Ульф решили сделать здесь временную остановку. Большая часть кораблей пристала к берегу Невы.

С причаливших судов были переброшены мостки, на берег сошла шведская знать с Биргером и Ульфом Фаси в сопровождении епископов; за ними высадились рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой, шитый золотом шатер.

Зять короля не сомневался в успехе. Новгород переживает тяжелые времена: помощи ему ждать неоткуда, татаро-монгольские захватчики опустошили Северо-Восточную Русь. Без владимирских полков Новгород не страшен.

Биргер, вождь опытный, дотолу удачливый, думал завоевать Ладогу и Новгород. Через своих послов он велел надменно сказать Александру:

– Ратоборствуй со мной, если смеешь. Я стою уже в земле твоей. Всех твоих воинов я уничтожу, а головы их побросаю в Неву.

– Силен ваш Биргер, – усмехнулся Александр Ярославич. – Да токмо передайте вашему полководцу: не хвались, идучи на рать, а хвались, с рати идучи. Хвастливое слово гнило.

Пока гридни² и часть новгородцев-ополченцев собирались на Софийской площади, князь сходил в собор, усердно помолился, принял благословение архиепископа Спиридона, а затем вышел к своей малочисленной дружине. С веселым лицом молвил:

– Нас немного, а враг силен, но Бог не в силе, а в правде. Тотчас же и выступим, други, и сокрушим свеев³.

Посадский люд, прибежавший к ратникам, немало тому подивился:

– Рискуешь, князь Александр! Надо собрать все войско и тогда уже наваливаться на свеев.

Но князь не стал дожидаться ни полков отцовских, ни пока соберутся все силы Новгородской земли.

– Пока всю рать собираем, враг у Волхова будет!

Дружина и пешцы выступили в воскресенье 15 июля 1240 года. Александр преднамеренно ускорил выступление войска, желая, во-первых, нанести удар свеям неожиданно и, во-вторых, именно на Ижоре и Неве. Только внезапный удар по более многочисленному врагу, по мнению Александра, мог принести успех.

Он исходил из того, что большая часть неприятельских судов стояла у высокого и крутого берега Невы, значительная часть войска находилась на кораблях (остановка была временная), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Конная дружина князя Александра должна была ударить вдоль Ижоры в центр расположения неприятельских войск. Одновременно пешцы, под началом посадского человека Михаила, должны были наступать вдоль Невы и, тесня врагов, уничтожать мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая рыцарям, опрокинутым неожиданным ударом конницы, путь к отступлению и лишая их возможности получить помощь.

В случае успеха этой задумки численное соотношение войск на суше должно было серьезно измениться в пользу русичей: двойным ударом вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражьего войска оказывалась зажатой в угол, образуемый реками. В ходе битвы пешая и конная рати, соединившись, должны были оттеснить свеев к реке и сбросить их в воду.

Таков был дерзкий и превосходный план Александра Ярославича.

Русские войска внезапно обрушились на шведский лагерь. Летописец не оставил описания хода боя, но поведал о наиболее выдающихся подвигах русских воинов. Так, он говорит о важном эпизоде битвы, когда князь Александр, пробившись в самый центр расположения шведских войск, вызвал Биргера на поединок и тяжело ранил его копьем: «возложи ему печать на лице острым своим копием».

Молодой гридень Савва «наехал на шатер великий и златоверхый и подсече столп шатерный». Падение шатра Биргера еще больше воодушевило русских воинов.

Пешее ополчение, продвигавшееся вдоль берега Невы, не только рубило мостки, отбиваясь от шведов с суши и реки, но даже захватило и «погубило три корабля».

Дружинник Гаврило Олексич, преследуя бежавших шведского епископа и королевича, кои «втекоша пред ним в корабль», ворвался на коне вслед за ними по сходням. Произошел беспримерный бой. Шведам удалось сбросить Гаврилу Олексича в воду вместе с конем, но он

---

² *Гридни* – княжеские дружинники, мечники, меченоши.

³ *Свеи* – так называли в Древней Руси шведов.

сумел быстро выбраться «и опять наиха и бися крепко с самым воеводою посреде полку их», убив епископа и воеводу.

Бой был жестокий. Русские воины были «страшны в ярости мужества своего», а талантливый полководец Александр Ярославич сумел уверенно направить их на врага.

Новгородец Сбыслав Якунович много раз нападал на свеев и бился с одним топором. «И пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его».

Княжий ловчий Яков, родом полочанин, напал на полк с мечом и порубил добрый десяток врагов...

«И была сеча великая, и перебил свеев князь Александр бесчисленное множество».

Бой, проведенный в стремительном темпе, принес блестящую победу войску Александра. Бесславно, в панике бежали шведские захватчики, «и множество их паде». Русские воины собрали трупы наиболее знатных рыцарей, сложили их на двух кораблях и потопили в море. Прочих же похоронили в общей яме.

Новгородцев и ладожан пало всего двадцать человек.

За мужество, проявленное в битве, народ прозвал князя Александра Ярославича Невским.

(Борьба за устье Невы была борьбой Руси за сохранение выхода к морю. Русский народ на пути своего развития в великую державу не мог быть изолированным от морей. Борьба за свободный выход России к Балтийскому морю в форме решительных военных столкновений началась именно в XIII веке.

Невская битва была важным этапом борьбы. Победа русского войска под началом нашего великого предка Александра Невского предотвратила потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дала прервать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение татаро-монгольского ига. Наш народ до начала XVII века успешно оборонял Неву. Временный захват ее Швецией кончился для последней крахом. Разбитая Россией при Петре I, Швеция потеряла значение крупной морской державы. Считая себя прямым продолжателем дела Александра Невского, Петр I приказал перевезти прах Александра Ярославича в основанный им Петербург.)

Новгородцы любили видеть Александра в челе своих дружин, «но недолго могли ужиться с ним, как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским». Нет, далеко не прав летописец! Да, кое-что передалось Невскому от его предков. Иногда он был чересчур суров и горяч. Нещадно наказывал мздоимцев и кидал виновных в поруб. Несомненно, был он гордым, тщеславным и честолюбивым. Но никогда Александр не был вероломным и высокомерным, деспотичным и жестоким, мстительным и мерзопакостным, как его отец Ярослав Всеволодович. Чрезмерная взыскательность зачастую приводила к ссоре с вольнолюбивыми новгородцами, и, когда те затевали перебранку и свару, Александр Ярославич уезжал в свое родовое гнездо – Переяславль-Залесский.

Смута в Новгороде назрела к зиме победного 1240 года. Готовясь к войне с Литвой, шведами и немецкими крестоносцами, князь Александр, не рассчитывая на большую помощь из недавно разоренной татаро-монголами Владимиро-Суздальской Руси, возложил на новгородское боярство крупные расходы и постарался (после Невской битвы) упрочить свою власть в республике. Бояре же, ставя свои интересы выше интересов Отчизны, вступили с князем в столкновение, в результате коего в декабре 1240 года Александр Ярославич с матерью Феодосией, женой Александрой и детьми уехал в Переяславль.

Перед отъездом резко молвил боярам:

– Живите, пауки. Но ведайте: на кошелях своих вам не отсидеться.

Ливонские рыцари не помогали свеям, однако сами хотели завладеть Новгородом. Нашлись для них и русские изменники. Ярослав, сын Владимира Псковского, еще в 1233 году

сосланный в Суздальские земли, обретя свободу, свил гнездо у немцев в Эстонии и питал ненависть к россиянам. В Пскове также нашлись предатели, одним из которых оказался некий Твердило Иваныч, склонявший рыцарей овладеть городом.

Крестоносцы собрали войско в Одеппе, Дерпте, Фелине и с князем Ярославом Псковским взяли Изборск. Псковитяне надумали сразиться с крестоносцами, но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на постыдный мир. Рыцари потребовали аманатов⁴: знатнейшие люди передали им своих детей, а гнусный изменник Твердило начал господствовать в Пскове, широко делясь властью с немцами и грабя села новгородские.

Многие псковитяне побежали в Новгород к Александру, дабы попросить его защиты. Но Александр был уже в Переяславле.

Рыцари, пользуясь отсутствием знаменитого князя, вступили в Новгородскую республику, обложили данью вожан и, намереваясь стать твердой ногой в Новгородской земле, построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье. По берегам Луги рыцари забрали всех лошадей и скот; по селам нельзя было землю пахать, да и нечем; по дорогам, в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов. А бояре дремали или тратили время в личных ссорах.

Черный люд, видя беду, потребовал себе защитника от великого князя Ярослава Всеволодовича Владимирского. Тот прислал своего второго сына, Андрея, но зло не миновало. Литва, немцы, чудь продолжали опустошать Новгородскую землю. Бояре спохватились и решили отправиться с архиепископом в Переяславль к Александру.

Князь встретил их неприветливо:

– Чего прибежали? Не я ль сказывал, что на кошелях своих не отсидитесь? Зовите другого князя.

– Другого нам не надо. Немец взял Псков и вот-вот Новгородом овладеет.

– Так вам и надо. Гривну мне на войско пожалели, а немец придет – до последней нитки оберет, хоромишки ваши разорит, город спалит, а вас, спесивых дураков, вкупе с женами и детьми в огонь покидает. Немец жесток и кровожаден, как тот же ордынец.

– Прости и забудь вину Новгорода, Александр Ярославич! – умоляли бояре. – Боле не будем тебе помехи чинить. Весь народ тебя просит!

– Весь народ?.. Что-то я простолюдинов среди вас не приметил.

– Прости, Александр Ярославич. Есть и простолюдины.

Толпа бояр раздвинулась, и перед князем оказались некоторые из городских ополченцев, лихо сражавшихся на берегах Невы.

– Чего за спины бояр спрятались? Они в сечу не ходили. За сундуки свои тряслись. – Глаза Александра Ярославича продолжали оставаться хмурыми и суровыми. – Им не до отчего края, а вам – честь и слава. Вам и слово держать.

Новгородцы поклонились князю в пояс и горячо молвили:

– Народ ждет тебя, Александр Ярославич. Спаси Господин Великий Новгород. Не дай надругаться над Святой Софией. Встань на защиту матерей, жен и детей!

И только после этих слов смягчилась душа князя.

– Встану!

Бояре довольно загалдели, но Александр Ярославич остановил их движением руки.

– Не шибко-то радуйтесь. Самовластно встану! Никакой вашей замятни не потерплю. И тот, кто на войне мне не будет помогать, тому крепко не поздоровится. У меня рука тяжелая.

– Да уж ведаем, князь. Знатно ты свеев бил. Слава твоя далеко пошла.

---

⁴ Аманат – заложник.

- Вчерашней славой на войне не живут, а, чтобы новую добыть, надо zelo много потрудиться.
- Потрудись, князь. А мы уж калиты не пожалеем.
- Александр Ярославич вновь усмехнулся:
- А куда ж вам деваться, коль все можете потерять... В Новгород!
- Да поможет тебе Бог, – осенил князя крестом владыка.

* * *

Прибыв в Новгород, Александр Ярославич незамедлительно собрал войско из новгородцев, ладожан, карел, ижорян и выступил против крестоносцев. Неожиданным ударом рать Невского выбила врага из Копорья, а затем вступила в землю эстов; от действий войска Невского зависела судьба Русской земли.

Начав наступление на Тевтонский орден⁵, Александр вдруг свернул к Пскову. Неожиданным «изгоном» его полки освободили от врагов и предателей-бояр древний русский город. Пленных рыцарей князь, «сковав», отправил в Новгород, а предателей приказал казнить.

После освобождения Пскова Невский вновь повел свое войско на Тевтонский орден, остановившись на западном берегу Чудского озера.

Дозорный отряд под началом Домаша Твердиславича изведal расположение войска немецких «псов-рыцарей» и решил завязать с ними бой, но был разбит, наткнувшись на неожиданную расстановку полков тевтонов. Отважный Домаш был убит, остатки дозорного отряда «к князю прибегоша в полк».

Александр Ярославич дозорных не похвалил, сурово молвил:

– Не зная броду, не суйтесь в воду. Псы-рыцари избрали хитрое построение войск. На них нужна особая уловка.

Еще два года назад Александр Ярославич дотошно собирал сведения о войске Тевтонского ордена и изведal много любопытного. Вступая в орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Конные рыцари применяли особый строй войска в виде клина, который наши летописцы называли свиной. Пешими (кнехтами) в бой шли слуги. У тевтонов кнехты состояли из горожан-колонистов, отрядов, выставляемых покоренными народами. Первыми в битву вступали рыцари, а кнехты стояли под отдельным стягом, и когда их вводили в бой, то их строй замыкался рядом рыцарей, так как кнехты были ненадежны. Задача клина – раздробить центральную, наиболее сильную часть войска противника, и закованной в панцири свиной это всегда удавалось, что приносило ей победу.

«Стальная свиная крепка, но и мы не лаптем щи хлебаем», – подумалось Невскому.

Приближалась решительная битва, которую искало русское войско и о которой с тревогой и надеждой думал народ: и в Новгороде, и в Пскове, и в Ладоге, и в Москве, и в Твери, и в Ростове Великом (княгиня Мария через своих посланцев внимательно следила за ратными действиями двоюродного брата Василька).

Что же предпринял Александр Невский? Какую свиную он надумал подложить железной свиной непобедимого Тевтонского ордена?

После длительных и мучительных раздумий, он вдруг приказал... отступить своей рати на лед Чудского озера, решив значительно изменить всегдашний порядок расположения русских полков перед битвой. Обычно боевой строй русских войск состоял из сильного центра,

---

⁵ *Тевтонский Орден* (Немецкий орден) – католический духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII в., во время Крестовых походов в Палестине. В XIII в. в Прибалтике на землях, захваченных орденом у пруссов, литовцев, поляков, существовало государство Тевтонского ордена. Орден разгромлен в Грюнвальдской битве 1410 г. С 1466 г. – вассал Польши. В 1525 г. его владения в Прибалтике превращены в светское герцогство Пруссия.

где стоял Большой полк («чело»), и двух менее сильных «крыльев». Такое построение не было надежным для победы над свиной крестоносцев, и Александр Невский смело сломал сложившийся обычай, он сосредоточил основные силы на флангах, что и способствовало победе. Новая расстановка полков и вызвала отступление русских на лед Чудского озера. Как и следовало ожидать, «немцы поидоша на них».

Князь Александр поставил полк у крутого восточного берега озера, у Вороньего Камня, против устья реки Желча, что было крайне выгодно, так как псы-рыцари, двигавшиеся по открытому льду, были лишены возможности угледеть расположение, численность и состав рати Невского.

5 апреля 1242 года, «на солнечном восходе», вся громада немецких войск устремилась на противника, успешно пробилась свиной сквозь русские полки и погнала рать Невского. Крестоносцы считали битву выигранной. Никто и никогда не сможет противостоять войску железных рыцарей.

Но что это? Кто так мощно и угрожающе несет на них слева и справа?! Да это же основная сила русских, сосредоточенная, вопреки обычаям, на «крыльях». Этот дьявол Невский перехитрил орден!

И «бысть сеча тут велика немцам». Русские лучники с самострелами внесли полное расстройство в ряды окруженных рыцарей. А затем в свиной врезались полки Невского. «И стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью». Рыцарский клин, пробившийся сквозь русский заслон, попал в клещи. Крестоносцы обратились в бегство.

Победа Невского была решительная: он преследовал немцев до Суболичьского берега. Было убито только 400 закованных в латы рыцарей, многие были захвачены в плен. Тела эстов лежали на семи верстах.

Измученный победой Александра Невского, магистр ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и поспешил отправить посольство в Данию, умоляя короля спасти Рижскую Богоматерь от россиян. Но Александр Ярославич, довольный разгромом крестоносцев, вложил меч в ножны и возвратился в Псков.

Немецкие пленные, потупив глаза в землю, тащились в своей тяжелой рыцарской одежде за русскими всадниками. Духовенство встретило героя с крестами и священными песнями, славя Бога и Александра. Народ стремился к нему толпами, именуя его отцом и спасителем.

Новгородцы радовались не менее псковитян, и скоро послы ордена заключили с ними мир, разменялись пленными и возвратили псковских заложников, не только отказавшись от Луги и Водской земли, но и уступив Александру знатную часть Латгалии.

Победа на Чудском озере – Ледовое побоище – имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасла их от иноземного ига. Крупнейшей битвой раннего европейского Средневековья впервые в истории был положен предел грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий. Не удалось крестоносцам «укоротить словенский язык ниже себе».

Древний автор «Жития» нашего великого предка князя Александра отметил, что с этой поры «Нача слышати имя Олександрово по всем странам и до моря Хупожьского (Каспийского), и до гор Апавитьских, и об ону страну моря Варяжского (Балтийского), и до Рима».

Александр же Невский одержал немало еще славных побед.

Глава 5. Мария и отец

Миновало семь лет после битвы на Сити.

Смура, тревожно лицо Марии. Час назад в Ростов примчал тайный гонец и доложил:

– Возвращается посольство из Золотой Орды, княгиня.

Сжалось сердце Марии: вот уже полгода пребывает она в томительном ожидании. Как-то там юный сын Борис Василькович и ее отец, князь черниговский?

Еще в марте 1245 года в Ростов Великий прибыл Михайла Всеволодович из далекого южного Чернигова. Зоркими очами глянул в лицо дочери, сдержанно вздохнул и заключил в объятия.

– Как долго же я тебя не видел, Мария!

Дочь не удержалась от слез.

– Долго, отец, долго... Сколь воды утекло...

– Если бы токмо воды, – раздумчиво произнес Михайла Всеволодович.

Последний раз князь черниговский приезжал в Ростов на именины своего первого внука, кой родился 24 июля 1231 года, в День святых Бориса и Глеба. Тогда Михайле Всеволодовичу шел пятьдесят первый год. Был он по-прежнему свеж, крепок, в добром расположении духа.

– А ну показывайте долгожданного внука. Чу, Борисом нарекли. Доброе имя. Пусть несет его с честью.

И был пир на весь мир! Всю неделю отмечал Ростов появление княжеского наследника. И Василько Константинович и Мария Михайловна светились от радости. А князь черниговский все поглядывал на молодых и довольно говаривал:

– Ох, не зря вас свела судьба. Вижу, в любви живете. Повезло тебе, Василько. С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне. Нагляделся я на иных супругов. Живут, как кошка с собакой, никакого ладу, а от того и дела не спорятся.

Всю неделю Мария старалась как можно больше быть с отцом. Уж так соскучилась по родителю, кой безмерно любил свою дочь. Суровый, строгий в жизни и с виду, Михайла Всеволодович тотчас оттаивал сердцем, когда видел свою «ненаглядную Марийку», и всегда ее к чему-то приучал; мать – к рукоделию, отец (сам большой любитель книг) – к грамоте, к меткой стрельбе из лука и скачкам на коне. Княгиня иногда ворчала:

– Чай, не сына пестуешь. Не к чему отроковице ратные доблести постигать. Ее место за прялкой.

– Худые речи твои, мать. Под половцем живем. Случись набег, за прялкой не спрячешься.

Мария была благодарна отцу. Он прав: степняки чуть ли не каждый год набегали на богатое Черниговское княжество, и не раз Марии, чтобы быть ко всему готовой, приходилось садиться на коня.

Но особенно она была признательна отцу за грамоту. Уже с пяти лет он приставил к ней ученого монаха Порфирия, а тот, увидев перед собой усердного любознательного ребенка, решил вложить в него все свои богатые знания, и, когда Марии стало шестнадцать лет, иннок Порфирий молвил:

– Бог наделил тебя большим даром познания. Ты не по годам разумна, княжна. Я уж стар и мало чему тебя научу. Ты была достойной ученицей, и коль с таким же усердием продолжишь и далее постигать все новые и новые науки, то станешь одной из самых образованных женщин. Да пусть Господь всемогущий и впредь помогает тебе в книжной премудрости...

Трудно переживала Мария кончину монаха Порфирия.

После именин Бориса Михайла Всеволодович не появлялся в Ростове целых пятнадцать лет. Тяжкими были эти годы для Чернигова: то междоусобные войны, то непрекращающиеся набег степняков, а затем жуткое нашествие ордынцев.

Весной 1239 года татары подступили к ПереяславлЮжному, мощной порубежной крепости, прикрывавшей Киевские и Черниговские земли от степняков. Никогда еще ни половцам, ни другим кочевникам не удавалось взять «отчину» Владимира Мономаха. Высокие валы, крепкие стены, крутые берега рек Трубеж и Альта, с трех сторон окружавшие древний град, делали его неприступным. И все же перед многочисленными стенобитными орудиями и несметными ордынскими полчищами, жаждущими добычи, Переяславль не выстоял и был «взят копьём» и страшно разорен.

Хан Батый приказал стереть крепость с лица земли, дабы подобные порубежные крепости не могли помешать дальнейшему нашествию. (Разгром, учиненный полчищами Батыя, был настолько жестоким, что даже спустя триста лет после вторжения ордынцев Переяславль Южный представлял собой «град без людей»; соборный храм пролежал в развалинах до середины XVII века.) Немногие уцелевшие переяславцы подались в ближайшее Черниговское княжество в надежде, что к Чернигову, «богатому воинами», «славному мужеством горожан», «крепкому и многолюдному», татары не пойдут, ибо близость к степной границе, с ее постоянными ратными походами и победами, создала Чернигову широкую известность на Руси как непобедимому городу.

Укрепления Чернигова казались непреодолимыми. Три оборонительные линии преграждали дорогу степнякам: на высоком берегу реки Десны стоял детинец, прикрытый с востока речкой Стрижень. Вокруг детинца высился окольный град (острог), укрепленный насыпным земляным валом. И наконец, третий вал опоясывал обширное предгорье.

Защитники крепости были убеждены: супостату Чернигова не добыть.

Но не так считали татарские ханы. Чернигов нужно взять любой ценой, ибо он открывает путь к главным центрам Южной Руси.

Осенью 1239 года «неслыханная рать» подступила к Чернигову «в силе великой» и окружила город со всех сторон.

Михайла Черниговский, «испытанный храбрый муж», и его двоюродный брат Мстислав Глебович решили встретить злого врага у стен крепости, как бы показывая степнякам, что они их и в малейшей степени не пугаются и готовы победить в открытой сече.

«Лютый был бой у Чернигова», – скажет летописец. А когда степняки пробивались к стенам, то, к их немалому удивлению, горожане обстреливали татар из метательных орудий огромнейшими глыбами, кои были настолько тяжелыми, что их едва могли «четыре человека сильные поднять».

Хан Батый был изумлен: ни один из русских городов не встречал его такими мощными метательными снарядами, кои уничтожают сотни правоверных. Этот князь черниговский – слишком опытный полководец, он быстро и хитро применил то, что до сих пор не удавалось ни одному русскому князю.

И тогда хан приказал своим темникам⁶:

– Выставить наилучших лучников!

Лучники Батыя были действительно лучшими в мире. Они поражали врагов из своих больших, тугих луков с трехсот шагов, отправляя в минуту, одну за другой, шесть стрел без единого промаха. Метальщики понесли большой урон, да и войску Михайлы Черниговского после «лютого боя» не удалось отогнать ордынцев от города: уж слишком были они «в силе великой», на каждого русича приходилась сотня татар.

Войску пришлось сесть в длительную осаду. Штурм Чернигова оказался для Батыя чересчур тяжелым. Его тумены несли небывалый урон, и все же 18 октября, когда ряды защитников крепости значительно поредели, «взяли татары Чернигов, и град пожгли, и людей избили и монастырь пограбили».

---

⁶ Темник – начальник отряда в 10 тысяч воинов.

Но Батый был разъярен: под стенами Чернигова остались лежать десятки тысяч его славных воинов. И другое бесило хана: князю Михайле Черниговскому удалось спастись.

С тяжелейшими боями и неисчислимыми потерями, покорив значительную часть Руси, тщеславный хан Батый обосновался на Нижней Волге, где образовал новое государство – Золотую Орду – со столицей в городе Сарае. Земли, подвластные Золотой Орде, простирались от Иртыша до Дуная, на северо-востоке она включала Поволжье и Приуралье, на юге – Крым и Северный Кавказ до Дербента.

Земли Средней Азии обособились под властью сына Чингисхана – Чагатая. В особый улус выделилась территория, в состав которой вошли нынешний Туркменистан (до Амударьи), Закавказье, Персия и ближневосточные области до Евфрата. Во главе этого государства стал внук Чингисхана – Хулагу.

Золотая Орда, государство Хулагидов и Чигитайское государство находились в определенной зависимости от монгольского великого хана, пребывавшего в Каракоруме⁷. Под личной властью великого хана, владевшего Китаем, оставались земли Центральной Азии, Юго-Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Владения трех улусов стали первым шагом на пути распада Монгольского государства.

---

⁷ *Каракорум* – столица Монгольского государства в верхнем течении реки Орхон. Основан Чингисханом в 1220 г., существовал до XVI в.

Глава 6. Князь Михайла Черниговский

Приезд Михайлы Черниговского со своим ближним боярином Федором в марте 1245 года для Марии оказался полной неожиданностью. Отец после последней встречи заметно постарел: ему шел 66-й год. Но гордая осанка и суровые, властные глаза оставались прежними. Чтобы объяснить свое внезапное появление, Михайла Всеволодович, оставшись с глазу на глаз с дочерью, хмуро молвил:

– Хан Батый вызвал в Золотую Орду.

– В Орду? – похолодела Мария и под села к отцу. – А может, не ездить?.. Может, как-то обойдется?

– Не обойдется, дочка. С тех пор как мой зятек Ярослав дорогу в Орду проторил, остальным князьям в своих хоробах не отсидеться.

В глазах Марии сразу встал Ярослав Владимирский – вероломный, пакостливый и трусливый князь, кой не снискал себе ни ратной славы, ни уважения людского. Его выгоняли с княжения из многих городов, он же в отместку беспрестанно ходил войной на русичей, не пропускал торговые караваны с хлебом в умирающие от голода города. А во время Батыева нашествия не захотел прислать свою могучую дружину на выручку русской рати, расположившейся на реке Сить. Хуже того, когда полчища татар обрушились на русские города, князь Ярослав (через унижение и позор) добился от Батыя ярлыка на великое княжение и... тотчас пошел войной на соотичей (!). «Сей Ярослав – второй Святополк Окаянный. Ордынский прислужник и лизоблюд», – недобрый словом поминали князя владимирского на Руси.

– В хоробах не отсидеться, – пасмурно кивнула Мария. – Вот и к моему Борису две недели назад пришло ханское повеление – княжение у Батыя добывать. А ведь ему всего-то пятнадцатый годок. Страшно мне, отец. И чего только не творится в Золотой Орде! О мире татары и не помышляют.

– Свирепый народ, – жестко произнес Михайла Всеволодович.

(Плано Карпини, папский посланник, писал: «Надо знать, что татары не заключают мира ни с каким народом, потому что имеют приказ от Чингисхана, чтобы навсегда подчинить себе все народы. И вот чего требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого неприятеля, когда им угодно... Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары, как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, но даже у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, некоторых они губят напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы одним господствовать на земле, поэтому они выискивают всякие случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство...»

Баскаков⁸ или наместников своих татары ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает баскакам повиноваться, и если люди какого-нибудь города или земли не делают этого, то татары разрушают их город и землю, а людей, которые в них находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них... И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий

---

⁸ Баскаки – татарские сборщики дани.

татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно».)

– Держу Бориса в Ростове, – продолжала Мария, – но чует сердце – не удержать. Все на отца ссылается. Он-де в тринадцать лет на половцев рать водил, пора-де и мне полновластным князем стать. Надо в Орду за ярлыком ехать, а то Батый другому княжество отдаст.

– Отдаст – и глазом не моргнет. Пока Русь под игом, хорохориться не приходится. С Батыем шутки плохи. На непокорных он может и полчища свои послать, всю остатную силу добьет. Хочешь не хочешь, а ехать надо, Мария. Бориске-то со мной все полегче будет, вот почему я и поехал в ставку хана окольным путем.

– Спасибо тебе, отец... Выходит, и нам надо подарки в Орду собирать.

– А это уж как должное, – усмешливо проронил Михайла Всеволодович. – Без щедрой мзды нечего к татарам и соваться... Да ты не хлопочи, дочь. Я и на долю Бориса мзды прихватил.

И вот потянулись мучительные для Марии месяцы ожидания. За всю свою жизнь лишь дважды ей довелось так тягостно и терпеливо ждать вестей. Первый раз – в Белоозере, куда отослал ее с берегов Сити Василько Константинович вместе с малолетними детьми. Она потеряла покой и сон, все дни и ночи простояла перед киотом, прося у Господа и Пресвятой Богородицы великой милости для супруга своего в его ратных делах.

Но вскоре пришла черная весть. Обезумевшая от горя Мария кинулась к месту лютой сечи, но на Сити мужа не отыскала. Однако через два дня изувеченное тело мужа привезли с берегов реки Шерны⁹.

Андреян, сын сельского священника, поведал:

– Сами-то мы из селища Угорья. Батюшка наш решил при церкви остаться. Старенький он. Коль супостаты придут, то приму, бает, смерть в святом храме. А нам с женой моей Марией велел в лесу укрыться. Когда к Шерне из лесу вышли, а на берегу убитый воин лежит. Пригляделись – в богатой одеже. То ли князь, то ли боярин. Правда, истерзанный весь, супостатом замученный. Вернулись в Угорье, людей кликнули, на санях повезли...

Горе Марии было глубоким и безутешным... И вот вновь она ждет весточки. Сердце на части разрывается. Живы ли отец с Борисом? Гонец ничего толком не поведал, одно только и услышал в Нижнем Новгороде: возвращаются!

Все прояснилось спустя две недели. В Ростов прибыли изнеможенный, похуевший Борис Василькович, его ближний боярин Неждан Иванович Корзун и десяток дружинников под началом боярина Славуты Завьяла.

Мария глянула в измученные глаза сына, и тот опустил голову.

– Что?.. Что с моим отцом, Борис?

– Погубили, изверги.

* * *

В Орду хан Батый вызвал многих русских князей, но ни одного из них не допустил во дворец. Томил, унижал, через своих слуг говорил о своей большой занятости.

Князя ожидали ханского приема по несколько месяцев, а случалось, и по два года. Такого оскорбления князя, если им доводилось выезжать в Неметчину¹⁰, ни в одном царстве, ни в одном государстве не имели.

---

⁹ Шерна – приток реки Клязьмы.

¹⁰ Неметчина – так на Руси звали Западную Европу.

Кончалось терпение, таяла мзда, а «покоритель земель» забавлялся шумными увеселительными дастарханами¹¹ и охотой.

Михайла Черниговский негодовал:

– Довольно срам терпеть, князья! Батый обращается с нами, как с рабами. Плюнуть на хана – и домой!

– Ныне о доме забудь, Михайла Всеволодович. Ордынцы нас, как волков, обложили, никому не уйти. Попадешься в татарские руки – натерпишься муки. Охолонь, князь, и жди своего часа, – норовил урезонить Михайлу Всеволодовича ближний боярин Федор Андреевич.

Когда пошел пятый месяц, хан Батый наконец-то начал допускать до себя «неверных» гяуров¹². По одному в день. Но прежде всего каждый князь должен был пройти через обряд «очищения». Перед дворцом разжигали два костра, втыкали подле них два копьа с конскими хвостами и натягивали на концы копий волосяной аркан. Каждый князь, низко согнувшись под арканом, должен пройти между двух огней, а затем поклониться исламскому богу, что, по мнению татар, очищает душу и убивает всякие злые мысли.

– Противно, – молвил юный Борис Василькович, когда пришла его очередь идти к Батыю. – Не хочу!

Михайла Всеволодович положил свою тяжелую руку на плечо внука.

– А ты через не могу. Надо, Борис Василькович. Тебе еще жить да жить. Настанет время – и ты отомстишь ордынцам за свой позор. Ступай через поганое чистилище. Ступай, внук, и запомни, что я тебе сказал.

И Борис послушался, твердо, по-мужски, высказав:

– Я исполню твою волю, дед, и непременно отомщу безбожным татарам.

– Вот то слова мужа.

Хан Батый долго рассматривал юного князя. Не по годам рослый, русокудрый, с живыми, умными глазами.

«Этот щенок весь в отца, – невольно подумалось хану. – Но не приведи Аллах, чтобы этот шайтан оказался в него и нравом. Волчонок вырастет в матерого волка и начнет поднимать урусов против моего славного войска. Так нужно ли выдавать ему ярлык? Не лучше ли уже сейчас отсечь волчонку голову?»

– Отца своего помнишь?

– Как же не помнить, хан? Только последний негодяй может забыть своего отца.

– Хорошо сказал, Бориска... А будешь ли ты жить по заветам своего отца?

В золоченых покоях ханского дворца установилась мертвая тишина. И Борис, и приближенные хана понимали, что от ответа юного князя будет зависеть его дальнейшая судьба. Стоит ему дать утвердительный ответ – и жизнь его может тотчас закончиться. Хан Батый восемь лет назад очень раздраженно воспринял решительный отказ Василька Константиновича послужить воинам ислама.

Борис метнул глазами на своего ближнего боярина Корзуна (ему единственному была предоставлена честь войти к хану вместе со своим князем) и увидел его побледневшее, окаменелое лицо. Он явно напряжен и ждет от своего князя благоразумного ответа.

На сухих, обвисших губах Батыя застыла насмешливая улыбка. Сейчас этот волчонок укорит отца в чрезмерной гордыне и произнесет верноподданническую речь.

Затем глаза Бориса наткнулись на мурзу в белоснежной чалме и ярком шелковом халате, перехваченном широким поясом с драгоценными камнями. Смуглое, скуластое лицо его было язвительным и напыщенным.

---

¹¹ *Дастархан* – угощение, а также нарядная скатерть, расстилаемая для пиршества.

¹² *Гяуры* – неверные.

Бурундуй! Жестокий мучитель и убийца отца. Борис вспыхнул и, не отдавая отчета своим словам, резко произнес:

– Я и на пядь не отступлю от заветов своего отца.

Рука Батыя, теребившая черную косичку за ухом, опустилась на рукоять кривой сабли в драгоценных ножнах.

– Щенок!

Верные тургадуры¹³ готовы были кинуться к дерзкому гяуру, посмевавшему вызвать недовольство «наместника Аллаха на земле», но хан остановил их движением руки. После минутного молчания он спросил:

– И чего же завещал тебе отец?

– Любить свою Отчизну, не притеснять чрезмерными поборами свой народ и призывать князей не заниматься распрями и междоусобными войнами.

– И все?

– Нет, не все. Неустанно черпать мудрость в книгах. В той же «Ясе»¹⁴ твоего деда Чингисхана есть много поучительного.

– Ты читал «Ясу»? – оживился Батый. – Тогда скажи что-нибудь из этой великой книги.

– Скажу, хан... «Немудрено голову срубить, мудрено приставить».

Теперь уже губы Батыя тронула одобрительная улыбка. Он увлекался «Ясой» с юных лет и считал творение деда самой блистательной книгой мира.

– А может, это единственное изречение Священного Правителя¹⁵ вселенной, которое ты запомнил?

– Почему же, хан? Я уже говорил, что сын должен жить по заветам своего отца и всегда его чтить и боготворить. В «Ясе» сказано, что некоторые подданные недостаточно уважают своих родителей: сами объедаются на пиршествах, а старых отцов, матерей и дедов морят голодом. И вот за то, что бессердечные сыновья и дочери оскорбляют своих родителей, праведное небо обрушивается на людей, карая их молнией и громом. В связи с этим твой дед, Священный Правитель, издал особый закон о почтительности к родителям.

Лицо Батыя расцвело:

– Слышите, ханы, беки и мурзы? «Ясу» читают даже неверные.

– Слава Великому Потрясателю вселенной! – подобоострастно закричали приближенные Батыя.

Находчивые ответы Бориса не только спасли ему жизнь, но и растопили сердце жестокого хана:

– Я дам тебе ярлык на княжение, Бориска. Но навсегда запомни и другое изречение Чингисхана: «Голой кости и собака не гложет». Для этого надо много потрудиться. Пусть твое княжество станет богатым, чтобы мои сборщики дани привозили в Сарай тучные переметные сумы и выюки. И если твое княжество станет голой костью, я прикажу передать ярлык другому князю. Старайся, Бориска!

Молодой князь, придя в отведенную ему юрту, тотчас вспомнил о матери: ведь это она вырвала его от смерти. Перед поездкой она пришла к нему с книгой Чингисхана и настоятельно попросила:

---

¹³ Тургадуры – телохранители.

¹⁴ «Яса» или «Ясак», – сборник записанных постановлений и изречений Чингисхана, долго служивший для монголов кодексом законов. Теперь «Яса» совершенно забыта и от нее сохранились только незначительные отрывки. Согласно строгим законам «Ясы», каждый нукер и просто воин должен был подъехать к джихангиру (главнокомандующему) и, опустившись на правое колено, сложить перед ним ценную пятую часть всего захваченного. Кроме того, особая часть откладывалась для отправки в Монголию великому кагану (императору).

¹⁵ Священный Правитель – название Чингисхана. После его смерти имя его не произносилось монголами вслух, заменяясь другими почтительными словами.

– Тщательно изучи сию книгу.

– Книгу врага? Где ты ее достала?

– Такую книгу постоянно возит с собой каждый баскак. Одолжила у Туфана, переписала и трижды прочла.

– Но это же книга врага! – вновь повторил Борис.

– Не говори так, сынок. Чтобы хорошо познать врага, надо хорошо постигнуть законы, по которым он живет, тем более тогда, когда ты едешь в его страну. Непременно прочти!

«Матушка... Любимая матушка. Как же ты прозорлива!..»

Последним к хану Батыю был вызван князь Михайла Черниговский, но он не пошел на унижительный обряд очищения.

– Я – христианин и не хочу поганить свою душу басурманским обрядом. Если хан намерен мне выдать ярлык, то путь дает его без своего шутовского действия.

Михайлу Всеволодовича принялись уговаривать князя:

– Да плюнь ты на этот обряд. Не ты первый, не ты последний. Все князья через это пройдут. Пожалей свою седую голову, Михайла Всеволодович.

Но князь черниговский был неумолим.

– Я не предаю свою душу дьяволу. Уж лучше смерть, чем несмыаемый позор.

Слова взбунтовавшегося князя передали Батыю, но они не вызвали у него вспышки ярости. Он заведомо чувствовал, что гордый князь откажется от исполнения обряда, хотя ему очень хотелось, чтобы этот черниговский властитель прошел между двух священных огней, и вот тогда-то бы и потешился над ним хан Батый: «Ты, Михайла, покорился Аллаху, но ярлыка ты не увидишь, как собственных ушей. Слишком много ты зла причинил моим воинам. Два тумена полегли под стенами твоей крепости, и за это ты будешь казнен».

Но над князем черниговским не пришлось потешиться. Когда его повели на казнь, Борис рванулся было к дворцу, но его вовремя затащили в юрту и связали кушаками.

– Потерпи, Борис Василькович!

Казнь была страшной. Михайлу Всеволодовича положили лицом вниз к земле. Один из тучных татар встал князю коленями на спину, а другой, страшным рывком за голову, начал ломать хребет...

Участь своего князя разделил и ближний его боярин Федор Андреевич.

Глава 7. Андрей Букан и Палашка

Владимир понемногу оживал, отстраивался. Великий князь всея Руси все меры применял, дабы стольный град принял былой облик. Для этого силой выколачивал из подвластных ему княжеств не только калиту¹⁶, но и мастеровой люд.

Князья всячески противились (сами кое-как перебивались) и все же делились последним. С Ярославом Всеволодовичем ныне долго не поспоришь: и дружины крохотные, и «содруг» у него могучий. Не сам ли хан Батый Ярослава в великие князья возвел? Попробуй возропщи. Пришлет своего ближнего боярина Агея Букана – только держись!

Агей Букан когда-то служил сотником и был доверенным лицом Ярослава, выполняя его самые тайные поручения. Много числилось за Агеем черных дел, а когда его господин стал великим князем, он возвел своего старшего дружинника в боярский чин.

Гордо ездил по Владимиру Агей Ерофеич Букан. Став ближним боярином великого князя, он достиг вершин власти. Ныне – живи не тужи да на черных людишек поплеывай. И не только на чернь. Теперь каждый купец, каждый боярин перед ним шапку ломает.

Букан невысок ростом, но кряжист, глаза хитрые, пронырливые, широкая рыжая борода стелется по крутой груди; шея тугая, воловья, голос грубый и зычный. В народе прозвали Агея Быком.

В сорок лет чувствовал себя Агей Ильей Муромцем. Подковы гнул и цепи разрывал своими грузными широкопальными руками. Всем взял Букан – и силой, и богатством, и... неистощимой плотью. Последним особенно гордился. Другие-то толстобрюхие бояре в любовных делах были недосилками, пользительные травки всякие пили, но проку было мало. Уж чего Бог не дал, никакие настойки не помогут. Букан же на девок был чересчур солощий, в этом он самого Ярослава Всеволодовича перещеголял. Тот еще лет пять назад (на ханский манер) содержал десятки наложниц, но затем плоть его стала увядать.

Как-то, будучи в крепком подпитии, Букан, посмеиваясь, посоветовал:

– Все дело, Ярослав Всеволодович, в самой полюбовнице. Есть такие прыткие на любовь, что мертвого на ноги поднимут.

– Подари, коль не жаль.

Букан тотчас подумал о Палашке, бывшей сенной девке боярина Бориса Сутяги. Он как увидел сию девку, так весь и загорелся. Хороша, кобылка! Грудастая, задастая, с похабными, озорными глазами. Такая полюбовница наверняка в постели неутомима.

Последний раз он наведалься в хоромы боярина Сутяги, когда прознал, что тот внезапно окочурился. Агей ушам своим не поверил. Концы отдать (по тайному приказу Ярослава Всеволодовича) должен был Василько Константинович, а вышло наоборот. И в чем тут загадка – Букан так и не дознался. Но смерть боярина пришлась ему на руку. Тысячу гривен серебра отвалил Ярослав боярину на покусение на князя ростовского, и Букан надумал их вернуть. После недолгого раздумья выбор его пал на Палашку. Она, как наложница Сутяги, много раз бывала в покоях боярина и должна ведать, где тот прячет серебро.

Палашка вначале отнекивалась:

– Уж мне ли о том ведать, Агей Ерофеич? Боярин-то наш уж куда как усторожлив был.

– А в своей опочивальне?

– Не прятал в опочивальне! – без колебаний молвила Палашка.

Пронырливые глаза Агея так и вперились в сенную девку.

– А ты почему так уверена? Никак, сама всю ложеницу облазила? А ну-ка рассказывай.

¹⁶ *Калита* – деньги, казна. В обычном смысле – сума, сумка, киса, зепь, подвесной карман, торба, кожаный мешочек на поясе.

Палашка прикинулась невинной овечкой:

– И рассказывать нечего, Агей Ерофеич. После кончины боярина и ноги моей в ложнице не было.

– Лукавишь, девка. Сейчас пойду к боярыне и спрошу: не пропало ли чего из опочивальни? Я-то уж ведаю, сколь было серебряных гривен у боярина. Ведаю!

И вот тут Палашка перепугалась. Боярыня никогда не знала, сколь гривен лежит у Сутяги в ларцах и кубышках. Скрытен был боярин. Но если Букан назовет точную цифру, а он назовет (Палашке как-то довелось подслушать тайный разговор Агея с боярином о тысяче гривен), то ей не жить. Боярыня Наталья сварлива и жестока. Но Палашка (ума ей не занимать) быстро пришла в себя и блеснула лукавыми глазами на Букана.

– Однако хитер же ты, Агей Ерофеич. Пришел в чужой дом и норовишь боярыню обокрасть. Добро, Наталья Никифоровна к обедне ушла, а то бы замолвила ей словечко и...

– Молчи, дура!

Железные руки Букана стиснули Палашкину шею.

– Меня не проведешь. Сколь взяла?

Шея хрустнула, еще миг, другой – и конец Палашке.

– Пять... пять гривен, – прохрипела она.

– Так... Остальные где? – не разжимая рук, выпытывал Букан.

– Покажу... Только отпусти... Боярыня у себя перепрятала.

С тяжелыми седельными сумами уезжал Агей со двора боярыни. Воротные сторожа его давно знали и пропускали без всяких расспросов.

А через день в Ростов притащилась добрая полусотня нищелюбодов. Днем толпились на папертях, а ночью, перебив сторожей, ворвались в хоромы ни о чем не подозревавшей боярыни. Наталью заперли в светелке. Сами же учинили погром в ее опочивальне. Из хором никого не выпустили. Холопов, мирно спавших в подызбице, накрепко связали, санных девок обесчестили, а Палашку скрутили кушаками, кинули на коня, коего вывели из конюшни, и увезли с собой.

После первой же ночи с Палашкой Букан сказал:

– Запомни: я не тать. Вернул гривны великому князю Ярославу Всеволодовичу. Это его серебро. Те же гривны, кои ты похитила, я своим серебром отдал.

– За что ж такая ко мне милость?

– За твои ласки, – довольно ухмыльнулся Агей. – Они дорого стоят. Много у меня было девок, но чтоб такая... И до чего ж ты ненасытная, кобылица.

С той поры минуло пять лет. Ярослав Всеволодович стал великим князем, а сотник Букан – его ближним боярином.

А Палашку, казалось, и годы не старили. Напротив, в свои двадцать восемь лет она еще больше расцвела и еще больше стала желанной для мужчин. Такое на ложе вытворяла! Вот Букан и пожалел увядающего Ярослава. (Супруга его Феодосия, оставленная им в Новгороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была похоронена в обители подле ее старшего сына Федора, убитого отцом в 1233 году).

А Ярослав Всеволодович и впрямь ожил: другую неделю живет со своей наложницей, но пыл его все не остывает. Ну и девку же подсунул Агей, ну и сладострастницу! Да за такую полюбовницу никаких денег не жаль.

И великий князь наградил Букана еще одной вотчиной. Агей еще больше зачванился и такую власть взял, что без его ведома ни один приезжий удельный князь не мог явиться во дворец великого князя. Высоко, высоко взлетел Агей Ерофеич!

* * *

После шумных именин пришел Ярослав Всеволодович к своей разлюбленной Палашке с кувшином крепкого заморского вина и приказал:

– Уточайся, Пелагея. Сегодня все пьяны, и тебя хочу видеть навеселе. Погляжу, какова ты будешь в постели наподгуле. Пей чару... до дна пей!

Палашка послушно выпила, наморщилась, замотала головой.

– Ничего, Пелагея. Первая – колом, вторая – соколом. Пей! То приказ великого князя.

Палашке, отроду не пившей столь много вина, пришлось осушить и вторую объемистую чару. Выпила, да так и рухнула на мягкое пышное ложе.

– Слаба, оказывается, на вино. Как же ты теперь меня ублажать будешь? А ну шевели чреслами!

Но Палашка настолько опьянела, что и ногой не шевельнуть. Раскинулась на ложе во всей своей красе и лыка не вяжет. В Ярославе же, напротив, плоть взбесилась. И так и этак крутит полюбовницу, но та сделалась будто мертвая.

– Ах ты, сучка! – вскинулся Ярослав и давай стегать наложницу плетью. – Ублажай, сказываю!

Палашка с трудом пришла в себя. Привстала на ложе, молвила:

– Погодь маленько... Сейчас оклемаюсь.

И оклемалась-таки! Вся весельем брызжет. Накинулась на Ярослава, да с такой бешеной страстью, что князь вожделенно заохал. Добрый час Палашка неистово потешала князя, пока тот пощады не запросил:

– Довольно, дьяволица. Да ты пьяная-то еще желанней. Награжу тебя щедро.

– Давно пора, – пьяно рассмеялась Палашка. – У тебя денег-то, чу, куры не клюют. Один Букан тебе тыщу гривен вернул.

– Вернул? – недоуменно уставился на полюбовницу Ярослав. – Когда ж такое было?

– Да уж давненько. У боярыни Сутяги забрал. Тыщу гривен, сам мне сказывал.

– Тэ-эк, – зловеще протянул великий князь.

В тот же день звезда Букана закатилась. (Надо знать мстительность Ярослава!) Он не только забрал у Агея все гривны, но и лишил его боярского чина, да еще осрамил перед всеми холопами:

– Прочь с моего двора, волчья сыть!

Глава 8. Заговор

Высоко поднялся, да низко опустился Агей Букан. Вздулся, как пузырь водяной, и лопнул. Крепко же великий князь ударил!

Жадность всякому горю начало. После неудачного покушения на князя Василька Ростовского и смерти боярина Сутяги Ярослав Всеволодович позвал к себе Букана и приказал:

– Поезжай к вдове и забери у нее все гривны. А коль заартачится, припугни. Ты на это дело горазд, учить тебя не надо.

Агей к вдове съездил, деньги присвоил, а князю сказал:

– Вдова – тертая баба. Я было ее пострашал, а она: ничего не ведаю и ведать не хочу. А коль настаивать будешь, расскажу Васильку Константиновичу и всем ростовцам, как Ярослав Переяславский (Ярослав в то время княжил в Переяславле) помышлял за тыщу гривен нашего князя извести. Вот и пришлось возвращаться.

– Худо дело, – проворчал Ярослав. – Но вдова о деньгах не вякнет.

– Да скорее сдохнет!

– Ну, дай-то Бог, лишь бы не проболталась, – отступился князь.

Своему сотнику он всегда доверял: сколь темных дел с ним провернул! И в голову никогда не втемяшится, что Букан сможет его обмануть. И на тебе! Чего не чаешь, то скорее случится. Собака!

Падение повергло Букана в ужас. Расстаться с властью и потерять все в одночасье! Теперь стыдобушка на улицу выйти. Ну и подвела же его Палашка! Непотребная женка, подстилка! Не зря говорят: бабий язык на замок не запрешь и рукавицей не заткнешь... Сам виноват, нечего было Палашке о гривнах выбалтывать. Правдолюбцем себя хотел показать. Я-де не вор и не тать, все денежки Ярославу вернул. Нашел чем перед бабой хвастаться. Вот и дохвастался на свою голову. Свой язык – первый супостат.

Целую неделю горевал Букан. В зелено вино ударился. Да так напивался, что его вели в опочивальню за белы рученьки. А того Агей не любил, люто бранился:

– Я сам! Прочь, холопы! Аль не слышали, что меня Быком прозвали? Да меня хоть на медведя выпускай.

– Ведаем, батюшка, о твоей силе непомерной. Но тут лесенки крутые, не поскользнулся бы. Вот и помогаем маненько.

– Дурни! Думаете куриными мозгами, что я пьян. Так слушайте и запоминайте, глупендяи. Не тот пьян, что двое ведут, а третий ноги переставляет, а тот пьян, что лежит, дышит, собака рыло лижет, а он и слышит, да не может сказать: цыц! Уразумели?

– Уразумели, батюшка, уразумели.

– То-то, недоумки. Гляди у меня!

Бражничал, дрался, буянил и опомнился от непробудного пьянства лишь на третью неделю, когда стал перед собой не холопов видеть, а чертей. Утром опохмелился и сказал себе: «Хватит! Надо думу думать, как из беды выходить».

И день, и два, заложив руки за спину, расхаживал Букан по своей опочивальне. И надумал-таки! От радости даже в ладоши захопал. И радость его усилилась, когда переговорил с некоторыми влиятельными боярами, недовольными правлением Ярослава.

Ранним утром его утробный голос загремел по всем хоромам:

– Седлайте коня! И себе седлайте. Со мной – два десятка оружных послужильцев.

В Суздале ближнего боярина великого князя приняли с почестями. (Здесь еще о падении Букана никто не ведал.) Святослав Ярославич встретил Агея у самого крыльца.

– Рад видеть тебя, боярин Агей Ерофеич. Прошу в покои. Потрапезуем, что Бог послал.

Во время трапезы Букан, хорошо ведая сильные и слабые стороны младшего брата Ярослава Всеволодовича, деловито кашлянул в кулак и начал свою вкрадчивую и многозначительную речь:

– От владимирских бояр я к тебе, князь Святослав Всеволодович. Но разговор между нами должен держаться в строгой тайне.

– Само собой, – простодушно отозвался Святослав. – От каких бояр-то?

– Ты уж прости, князь, но я крест боярам целовал, а посему не могу я клятвоотступником стать.

– Коль целовал, помалкивай, негоже иудой быть, – одобрительно кивнул Святослав. – Ты мне самую суть выложи.

– Суть такова: бояре в большой затурке. Великий князь большое зло супротив ордынского хана замышляет. Не останови – вновь полчища Батыя нахлынут, и вновь в пепел всю Ростово-Суздальскую Русь превратят.

Святослав оторопел:

– Да быть того не может. Мой брат – верный содруг хана Батыя. Не из его ли рук он ярлык получил, и хан всем русским князьям сказал: «Я чту тебя, Ярослав, и мужей твоих». А отпуская на Русь, добавил: «Ярослав! Будешь ты старшим всем князьям в русском языке». «И вернулся Ярослав в свою землю с великой честью». Так по всем летописям велено записать. Надясь я в летопись заглядывал.

– Время изменилось, князь. Брат твой посчитал, что на Батыя пора собирать общерусское войско. Его посланцы помчали в Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Минск и Витебск, по всем городам Северо-Западной Руси, кои не подвергались Батыеву погрому. Больше того, брат твой послал гонца и к галицкому князю Даниилу Романовичу, кой одержал над татарами несколько побед. Каково будет хану узнать об измене великого князя? Гонец за гонцом.

Речь Букана не была лишена правды. Северо-Западная Русь, не испытавшая разорения Батыя, стояла перед новой угрозой Тевтонского ордена и Литовского княжества, и она запросила помощи у князя владимирского. Ярослав Всеволодович не мог ответить отказом: в случае поражения Северо-Западных княжеств Литва и Тевтонский орден могли двинуться вглубь Руси. Вот и поскакали из Владимира гонцы с ответом, что Ярослав Всеволодович не оставит в беде северные города. Ни о каком же заговоре против хана Батыя и речи не было. «Заговор» придумали Букан с боярами, дабы сместить с владимирского престола неугодного Ярослава.

– Да то ж беда, – огорчился Святослав. – Хан Батый за сие по головке не погладит. Не тот он человек, дабы измену прощать.

– Мудры слова твои, князь Святослав Всеволодович. Вот и владимирские бояре о том же. Ярослав до беды Русь доведет. Уж лучше бы хан Батый другому князю ярлык передал. Не так ли, Святослав Всеволодович?

– Да, пожалуй, что и так. И без того досыта крови нахлебались. Покой нужен Руси.

– Золотые слова, князь, – не скупился на лесть Букан. – О том все бояре пекутся. Вот бы нам, сказывают они, увидеть великим князем мудрого Святослава Всеволодовича.

– Меня? – неуверенно спросил князь.

– А кого же боле? Ты – единственный престолонаследник из братьев Всеволодовичей. Хан Батый наши права на наследие не трогает. Юрий Всеволодович был его врагом, а на владимирский стол хан посадил его брата Ярослава. Теперь твой настанет черед, Святослав Всеволодович. Тебе и только тебе быть великим князем. Над всей землей Русской будет твоя власть.

Святослав хоть и был безвольным, недалеким человеком, но власть любил. Страсть любил! Пора и ему посидеть на знатном владимирском троне. Чем он хуже Юрия или Ярослава?

Святослав Всеволодович даже в кресле приосанился.

– Какие будут приказания, князь?

– Какие?.. Да у меня и на ум ничего не приходит. Уж как Бог рассудит, так тому и быть. «Рохля! Да тут и дурак смекнет», – с презрением подумал о князе Агей. Вслух же, выдавив на лице подобострастную улыбку, молвил:

– Хан Батый может ненароком и прознать о кознях великого князя. В ставку свою вызовет... Ненароком! – подчеркнул Букан. – Так что готовься к великому княжению, Святослав Всеволодович. А мы уж, бояре, тебе верой и правдой послужим. Ярослав-то нас сторонится. Меня-то шибко отлаял. Помышлял ему дельный совет дать, а он за посох схватился. Прочь-де из хором!

– Братец у меня крутой. Случалось, и меня посохом поколачивал. Ты уж прости его, Агей Ерофеич. Я-то драться с боярами не буду. Всех, кто хотел меня на владимирском столе видеть, щедро награжу. А тебя ближним боярином оставляю.

Букан низехонько поклонился:

– Все ведают, что твое слово твердое и нерушимое. Скоро быть тебе великим князем! Уезжал Букан из Суздаля довольным.

* * *

Попытка Литвы и Тевтонского ордена напасть на Северо-Западную Русь вновь была успешно пресечена решительными действиями Александра Невского. Что же касается князя владимирского, то и пяти недель не прошло, как хан Батый узнал «ненароком» о «коварных происках» Ярослава Всеволодовича. Хан всегда был подозрителен и никому не доверял, даже угодливому Ярославу, который предал своего родного брата Юрия. Причем пакостил и предавал не единожды, не зря его так не любят урусы. И есть за что: змея один раз в году меняет кожу, а предатель – каждый день.

Но недовольны были Ярославом и при дворе великого хана Гуюка, сидевшего в далеком Каракоруме. Здесь тайно действовала большая группа придворных великой ханши Огуль Гамиш, не доверявшая золотоордынскому хану Батыю. Назначение Ярослава правителем Руси было встречено знатью великой ханши с неодобрением: Каракорум хотел иметь собственного ставленника на Руси. И вот случай подвернулся. Узнав, что Батый намерен вызвать Ярослава в Сарай, представитель Гуюка заявил, что Ярослав должен выехать из ставки Батыя в Каракорум.

– Зачем? – поинтересовался Батый.

– О том мне неизвестно. Я выполняю лишь приказ великого хана.

И Батыю пришлось подчиниться: по служебной лестнице он подвластен Гуюку.

В 1246 году князь Ярослав, ничего не подозревая, с большой свитой был отправлен из Сарая в Каракорум.

– Ты хорошо послужил Золотой Орде, князь Ярослав. А теперь тебя хочет утвердить на княжение сам великий хан Гуюк, – с натянутой улыбкой сказал князю Батый.

– Сочту за большую честь. Я оправдаю надежды великого хана, – согнулся в низком поклоне Ярослав.

Дорога в Каракорум была дальняя и тяжелая, добраться туда было нелегко, многие люди из княжеской свиты погибли.

При дворе великого хана 56-летний Ярослав не получил «никакого должного почета». Здесь было уже решено убить князя, чтобы «свободнее и окончательнее завладеть его землей». Мать великого хана Гуюка – Огуль Гамиш – как бы в знак особенного благоволения предложила Ярославу отравленную пищу из собственных рук. Яд на седьмой день, 30 сентября 1246 года, прекратил жизнь князя.

Ярослав Всеволодович, не снискав себе народной славы на Руси, умер на чужбине.

Разделавшись с владимирским князем, ханша Огуль Гамиш, пользовавшаяся огромным влиянием при дворе часто болевшего сына Гуюка, поспешно отправила гонца в Новгород к

Александру Невскому, зовя его к себе под тем предлогом, что «хочет подарить ему землю отца». Однако Александр Ярославич «не пожелал поехать», ибо все говорили, что хитрая ханша умертвит его или подвергнет вечному плену.

Хан же Батый принял брата убитого князя – Святослава Всеволодовича – и в соответствии с русским обычаем назначил его великим князем.

Агей Букан торжествовал: он вновь ближний боярин правителя Руси. Князь же Святослав отметил свое великое княжение пышным пиром. Владимирские бояре успокоились: нет больше сварливого и вероломного князя. Наконец-то избавилась Русь от гнусного человека.

Глава 9. Мария и Александр

Не так уж и долго сладко ел и пил и ездил на золоченой карете князь Святослав Всеволодович: в Каракоруме не признали назначение Святослава, исходившего от Батяя.

В 1247 году великий хан Монгольской империи Гуюк по совету матери Огуль решил сместить великого князя и вызвал в Каракорум двух братьев – Александра и Андрея Ярославичей. На сей раз Александр Невский, прикинув обстановку на Руси, надумал поехать в Каракорум. Поездка в Монголию оказалась длительной и заняла два года. Пока братья добирались до Каракорума, в 1248 году умер великий хан Гуюк и престолом завладела Огуль Гамиш.

Ханша давно уже пристально наблюдала за боевыми успехами Александра Невского. И Чингисхан, и Гуюк, и Батый предполагали нанести сокрушительный удар по всей Западной Европе, но русичи настолько ослабили татаро-монгольские тумыны, что ханам пришлось отказаться от своих честолюбивых захватнических планов.

И то, что князь Александр Невский блестяще побил немцев и шведов, пришлось по душе властолюбивой Огуль. Этот храбрый урус обладает великолепным полководческим даром. Имя Александра прославилось не только по всей Руси, но и во многих странах. Сейчас он в зените славы, и он уверен, что получит ярлык на великое княжение. Этого ждет и хан Батый. Он давно благосклонен к Александру. Многие называют хана мудрым, но они заблуждаются: мудростей много, а премудрость одна. Именно она, великая Огуль Гамиш, должна быть самой умной, расчетливой и дальновидной. Она никогда не поставит Александра великим князем. Это опасно. Такой незаурядный человек, наделенный огромной властью, может объединить вокруг себя всех русских князей и получит 100–150-тысячное войско, которое будет способно защитить Русь от татаро-монголов. Тогда вся предыдущая война с гяурами окажется напрасной.

Нет, Александр не получит ярлыка на великое княжение. Оно достанется его младшему брату Андрею, который ничем еще себя не проявил. Невский, конечно, будет раздражен, между братьями возникнет вражда (они и без того не очень ладят между собой), но тем лучше для великой Монгольской империи: русские княжества вновь будут разобщены и ослаблены, да и влияние Батяя на Руси значительно подорвется.

Огуль не любила внука Чингисхана. Тому уже мало предела Золотой Орды, он давно мечтает завладеть тронem Монгольской империи и все делает для того, чтобы принизить влияние великой ханши. У Огуль всюду свои глаза и уши. Недавно Батый неосторожно сказал:

– Участь женщины быть рабыней и наложницей. Она не может быть наместником Аллаха на земле. Это противоречит его заповедям.

Намек был более чем прозрачен. Батый исподволь готовит силы, чтобы сместить Огуль, и у него есть много сторонников, особенно его двоюродный брат Менгу и сын Сартак, который не только благосклонно настроен к русским князьям, но и явно (что удивительно для сына правоверного) поддерживает несторианство¹⁷ – одно из учений в христианстве. Он, как и его отец, готов посадить на великое княжение Александра Невского и поддерживает всех удельных князей, готовых сблизиться с Ярославичами. Стало известно, что особенно желают встать под стяги Невского Владимир Углицкий и Василий Ярославский (родной брат и племянник Василька Ростовского). Они уже сейчас дожидаются Александра во Владимире, и им во всем потакает Сартак. Но этого допускать нельзя. Ростово-Суздальская Русь, как и прежде, должна быть раздроблена на мелкие уделы. Надо немедленно послать в Золотую Орду своего доверен-

---

¹⁷ *Несторианство* – течение в христианстве, основанное в 428–431 гг. в Византии Несторием, Константинопольским патриархом, утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал Сыном Божьим (мессией). Осуждено как ересь на Эфесском соборе 431 г. Пользовалось значительным влиянием вплоть до конца XIII в. в Иране и от Средней Азии до Китая. Несториане имеются ныне в Иране, Ираке, Сирии.

ного человека. В Орде есть на кого опереться. Один из них – брат Батыя – Берке. Этот жестокий хан ненавидит русских князей и готов выполнить любое поручение Огуль.

Берке, получив тайное послание великой ханши, тотчас отправил во Владимир мурзу Давлета, своего преданного человека.

– Пригласишь Владимира Углицкого и Василия Ярославского на дастархан. Пусть примут наши угощения, приготовленные искусным китайским поваром и врачевателями. Но ни один урус ничего не должен заподозрить. Яд должен действовать очень медленно.

Владимир Углицкий и Василий Ярославский были приглашены на дастархан в начале декабря 1248 года. Первый скончался через три недели, а второй – 7 февраля 1249 года.

Смерть молодых князей вызвала удивление не только у Батыя, но и у Сартака. Батый вспылал:

– Я покорил Русь, и мне лучше знать, кого казнить, кого миловать. Только я имею право вмешиваться в дела русских князей. Эта Огуль многое из себя корчит. Чем сильнее князь, тем больше он соберет для меня дани. А эта шайтанка режет и травит их, как шелудивых собак. Она ничего не смыслит в русских делах... Слушай, Сартак. Я поручаю тебе Золотую Орду, а сам займусь Монголией. Берегись моего брата. Берке давно мечтает завладеть Ордой, но я этого не допущу.

С отъездом Батыя в Монголию вражда между его сыном и Берке усилилась...

А Огуль как задумала, так и решила. Великим князем она назначила Андрея Ярославича, за Невским же закрепила Новгородское, Киевское, Черниговское и Переяславское княжества.

В декабре 1249 года князья вернулись на Русь. Андрей тотчас проследовал во Владимир, а Невский надумал заглянуть в Ростов, к Марии, к своей доброй советчице.

– Ну, как ты, Мария Михайловна? – пылливо глянул на княгиню гость.

– Трудно, Александр, – откровенно призналась Мария. – Беда за бедой. Недавно брата Василька похоронила, а затем и его племянника... Странная смерть. Оба на здоровье не жаловались.

– Соболезную, Мария Михайловна. Слышал. Ты права – странная. Думаю, без руки ханши Огуль тут не обошлось.

– И ее подозреваю... Ну да ладно о грустном. Были и радостные минуты. Бориса моего не видел?

– Не успел, Мария Михайловна. Сразу к тебе.

– Летом свадьбу сыграли.

– Да ну? И когда только подрос... Сколь уж ему?

– В лета вошел. Восемнадцать. Прошлым летом, когда ты еще в Каракоруме сидел, женился на муромской княжне Марии Ярославне.

– Довольна ли молодой княгиней?

– Пока ничего худого не замечала. Кажись, удачный будет брак... И другая добрая новость. Определила я младшего, Глеба. Нынешней весной он ездил к хану Сартаку и получил ярлык на княжение в Белоозере. А третью добрую весть ты сам привез.

– Отлучение от великого княжения? – усмехнулся Невский. – Аль ты рада тому?

– Конечно же, никакой радости я от этого не испытываю, но я наверняка знала, что великокняжеский стол тебе не отдадут.

– Наверняка? – удивился Невский. – Хотя зачем я тебя спрашиваю. Ты, Мария Михайловна, всегда прозорлива.

– Я просто взвесила обстановку на Руси и подумала, что прославленного Невского опасно ставить на великое княжение. Уж лучше отодвинуть его подальше от центра Руси – к Киеву, Чернигову, Новгороду. Поближе к половцам, немцам и шведам. Пусть там сражается и ослабляет русские рати.

– А ведь ты права, Мария Михайловна... Но какую же я тебе добрую весть привез?

– За тобой, Александр, закрепили мой отчий Чернигов. И теперь я бесконечно счастлива, что место моего покойного батюшки займет такой достойный человек.

– Ты меня переоцениваешь, Мария Михайловна, – поскромничал Александр. – Достойные люди и в Чернигове найдутся... Кого бы ты хотела видеть наместником?

– Я знала, – вздохнула княгиня, – что ты вновь сядешь в Новгороде. Там, где враги обок, там и ты... Что же касается наместника, сам решай. Тебе видней, лишь бы о Чернигове, как и мой отец, неустанно радел.

– Надежного человека подберу, ты уж не сомневайся, – заверил Невский.

– А что же с остальной Русью, Александр? Тяжело под игом сидеть, вся Отчизна стонет. Вот уж десять лет под ордынским ярмом живем. Неужели не сыщется муж, кой кинет клич по Руси, дабы подняться всему люду православному? Неужели?!

В глазах Марии – и боль, и отчаяние, и неудержимый порыв, от коего пошел по телу Александра озноб. Эта княгиня настолько измучилась и настрадалась душой, что готова сама схватиться за меч и призвать русичей на священную войну с поработителями.

Александр Ярославич поднялся из-за стола и, подойдя к Марии, положил свои тяжелые ладони на ее мягкие, хрупкие плечи.

– Рано, Мария Михайловна, рано! У самого скорбит душа, самому хочется схватить меч, но это всего лишь порыв. Рано! Сила по силе – осилишь, а сила не под силу – осядешь, и так осядешь, что уж вовек не подняться. Как это ни горько, но сейчас перед Русью стоит иная задача: дабы предотвратить новые татарские нашествия, надо поддерживать мирные отношения с ханами и при этом объединять все русские земли на северо-западе, чтобы оказывать решительный отпор Литве, немцам, свеям и папской курии¹⁸. Другого пока не дано. Ни один князь, будь он семи пядей во лбу, не способен сейчас нанести победный удар по татаро-монголам. Ни один князь!

Александр Ярославич снял с плеч Марии руки и вновь уселся за стол.

– Разумом понимаю, но сердцем...

В глазах Марии застыла глубокая печаль.

Невский осушил чарку, надвое разломил ломоть ржаного хлеба, понюхал.

– Какая прелесть. Славно пахнет. Отвык я от русской пищи. Свой выпекаешь?

– Свой. Потихоньку засеваем старые пахотные земли. Главный упор делаем на рожь. Она устойчива к переменам погоды, рано созревает и реже попадает под ранние заморозки.

– А ты, я вижу, крестьянские дела не худо ведаешь.

– Жизнь заставляет, Александр. Без ума проколотишься, а без хлеба не проживешь. Вот и налегаем на рожь, и не только: и овсы, и ячмень, и просо и горох возделываем. Немалое подспорье. Как в народе говорят: от земли взят и землей кормлюсь.

– Добро, Мария Михайловна. А вот в Новгороде с хлебушком всегда туго. Так что, когда окрепнете, к вам за хлебом приеду.

– Милости просим... Ты вот о папской курии заикнулся. А ведь нелегко тебе будет, Александр. Курия развернула широкое наступление на страны Восточной Европы, и особое внимание, как, впрочем, и Тевтонского ордена, ее привлекает Русь, коя имеет устойчивые отношения в Прибалтике, Карелии, в земле финнов и даже в Польше.

– Ты изрядно осведомлена, – с глубоким интересом посмотрел Александр на Марию.

Да, «самая образованная женщина Средневековья» хорошо ведала, что творится за пределами Новгородско-Псковской земли.

Тринадцатый век явился временем расцвета могущества папы римского, кой вел борьбу с германскими императорами, стремясь утвердить свою власть в Европе. Весьма значительные

---

¹⁸ Папская курия – совокупность центральных учреждений, посредством которых папа римский осуществляет управление католической церковью.

события произошли также в Восточной Европе. В 1204 году пал, захваченный латинскими крестоносцами, Константинополь, кой подвергся варварскому разгрому. Патриарх и византийский император перебрались в Никею, где и возникла Никейская империя.

Вскоре, после захвата Константинополя, папа Иннокентий Третий обратился к русским князьям с посланием, в коем, ссылаясь на то, что пал центр православной церкви, предлагал Руси принять католичество и подчиниться власти курии. Одновременно Иннокентий потребовал от властителей Польши, ордена, Швеции, Норвегии и других стран прекратить всякие торговые сношения с русскими князьями. Однако немецкие купцы не могли в то время существовать в отрыве от таких крупных торговых центров, как Новгород, Полоцк, Смоленск и другие города. Немецкое купечество нарушило папское предписание и заключило торговые договоры с русскими городами.

Русские князья не только отвергли папские домогательства, но и изгнали папских монахов (лазутчиков) из Киевской и Ростово-Суздальской земли.

Татаро-монгольское нашествие, казалось, открывало перед курией новые возможности. Во-первых, в связи с тем, что татаро-монгольские ханы установили власть над Русью, можно было попытаться склонить их к принятию католичества, а затем договориться с ними, как с сюзеренами русских князей, и получить из ханских рук признание за папством прав верховного управления русской церковью. Экономические и политические выгоды такого акта не вызвали сомнений, хотя сама попытка склонить татаро-монгольских ханов к принятию католичества оказалась явно авантюрной. Во-вторых, опасаясь угрозы тем странам Восточной Европы, которые признали церковную власть папства, курия соглашением с ханами надеялась обеспечить безопасность своих отношений в этих государствах. В-третьих, курия стремилась договором с татаро-монгольскими ханами устранить возможность их сближения с Никейской империей, которая и без того все сильнее угрожала крестоносцам в Константинополе.

Наряду с военным наступлением папская курия в это время предприняла широкое дипломатическое наступление на Русь.

– Я хорошо ведаю, – заключила Мария, – что Иннокентий Четвертый отправил ряд писем влиятельным русским князьям, предложив им принять католичество. Уверена, что одним из первых такое послание получил знаменитый Невский. Не так ли, Александр?

Александр Ярославич все с большим интересом посматривал на княгиню и думал: «Прав был когда-то мой двоюродный брат Василько, говоря, что его супруга обладает необычайным умом». Она действительно выдающаяся женщина, и только ей было по силам написать изумительное «Слово о полку Игореве», кое Александр прочел в стенах Григорьевского затвора.

– Было послание от папы, Мария Михайловна. И что, ты думаешь, католики предлагают взамен?

– Ответ очевиден, Александр. Иннокентий Четвертый сулит свое покровительство и помощь против татар. Я права?

– Несомненно, княгиня. Ко мне прибыли даже два папских кардинала. Вот уж хитрецы! Из кожи лезли, дабы прельстить меня католичеством. Но я им жестко заявил: «Папа хочет толкнуть Русь на войну с Золотой Ордой, дабы облегчить ливонским рыцарям захватить наши Северо-Западные земли. Тому не бывать. Русь была и будет православной!»

– Достойный ответ, Александр. Недаром тебя поддержали отцы церкви. Митрополит Кирилл, после поездки в Никею к патриарху, перебрался во Владимир и ныне с тобой в доброй дружбе.

– И все-то ты ведаешь, княгиня!

Александр вновь поднялся из-за стола и прошелся по покоям. А Мария залюбовалась князем. Статный, широкоплечий, с умным, красивым лицом. Ему не исполнилось еще и тридцати, но в русой кудреватой бороде уже залегла серебряная паутинка... Сейчас ему двадцать девять, сколь было и Васильку, и как он похож на своего брата!

Василько!.. Милый, родной Василько. Как тебя не хватает все эти тяжкие годы! Народ до сих пор тебя вспоминает добрым словом. Ты был строгим, но справедливым князем. Господи, и как же ты любил жизнь!

Александр молчаливо постоял у окна, из коего виднелось тихое изумрудное Неро, затем повернулся к княгине и неожиданно спросил:

– А почему ты свое «Слово» не отдашь переписчикам и не размножишь книгу для других княжеств?

Тугие, рдеющие губы Марии тронула мягкая, нерешительная улыбка. Она всегда смущалась, когда речь заходила о ее рукописи.

– Не могу преодолеть себя, Александр. Такой же вопрос мне задал ученый монах Дионисий, кой пришел в Ростов из Москвы. Всю жизнь он занимался летописями, прочел сотни знаменитых книг и теперь настаивает, чтобы «Слово» отдать переписчикам. Но... но я до сих пор страшусь. Я до сих пор не считаю свою рукопись совершенной. Пусть пока полежит в Григорьевском монастыре.

– Чересчур скромничаешь, Мария Михайловна. Уверяю тебя: твое «Слово» – изумительное творение, кое должно стать достоянием всей Руси.

– Не знаю, не знаю, Александр. Может быть я когда-нибудь и решусь на размножение книги о своем пращуре (Мария была внучкой великого киевского князя Всеволода Святославича Черемного, кой доводился старшим племянником князю Игорю)... А сейчас поговорим об ином. Ты заедешь к своему брату Андрею?

– Во Владимир? Честно признаюсь, за два года в Монголии мы досыта наговорились с братом, а посему я не думал посещать Владимир. Есть в том нужда, Мария Михайловна?

– Сам решай, Александр, – загадочно отозвалась княгиня. – А сейчас я бы хотела с тобой посетить Григорьевский монастырь.

– Хочешь показать лучшую на Руси библиотеку?

– И не только, – вновь загадочно молвила княгиня.

Григорьевский затвор стоял в западной части детинца, вблизи от княжеских белокаменных палат. Книгохранилище было хорошо освещено восковыми свечами в бронзовых шандах. За крепкими, дубовыми, слегка наклонными столами трудились более трех десятков ученых мужей в черных подрясниках. Поскрипывали по пергаментным листам гусиные перья. На каждом столе – скляница с чернилами, киноварь, точила для перьев, песочницы... Лица ученых мужей сосредоточенные.

При виде княгини и Александра Невского иноки оторвались от рукописей и почтительно поклонились. Мария молча, легким взмахом руки повелела монахам продолжать работу. Князь же Александр с восхищением осматривал библиотеку. Сколько же тут сотен книг! Древних, облаченные в кожи и доски, с медными и серебряными застежками. Да тут целое сокровище!

– Мне рассказывали о ростовской библиотеке, но чтоб такое!

– Спасибо отцу Василька – Константину Всеволодовичу. Он собрал только греческих книг более тысячи. Часть закупил, а часть ему были подарены восточными патриархами. Перед своей кончиной Константин Всеволодович завещал свою библиотеку Ярославскому духовному училищу, но оно там просуществовало недолго. Уже через два года, вместе с учителями, учениками и библиотекой, оно было переведено в Ростов. Богатейшая книжница еще более пополнилась при моем супруге. Он не жалел никаких денег ни на книги, ни на само училище. Именно при Константине и Васильке Ростов стал духовным и культурным центром Руси. С тех пор и начали называть Григорьевский монастырь затвором, то есть школой, где изучались языки, велось летописание, переписывались древние рукописи, а во время богослужений песнопения исполнялись на двух языках – славянском и греческом.

Александр подошел к одной из низких сводчатых дверей, за которыми слышались нестройные голоса.

– Что сие, княгиня?

– То ученый муж Дионисий отроков греческому языку обучает. Вельми разумен сей монах. Глубокий знаток античной литературы. Это и Гомер, и Вергилий, и Аристотель, и Платон. Не говорю уже о русских авторах.

– Как появился у тебя сей ученый муж?

– В год Батыева нашествия из Москвы пришел. Молвил: «Все города разорены, мирские и духовные книги брошены в костер. Хотел с горя в скит удалиться, но тут услышал благовест, что Ростов и библиотека его чудом сохранились. Вот и подался в сей град».

Однако Мария Михайловна не все рассказала. Дионисий при встрече с ней молвил и другие слова:

– Много наслышан о тебе, княгиня, как о первой на Руси женщине-летописце, о твоих зело больших познаниях философии и литературы. Аристотеля, Гомера, Платона и других сочинителей ты почти знаешь наизусть. Мне тебя учить, думаю, нечему. Поэтому я пришел сюда не затем, чтобы от меня набиралась книжной мудрости известная всей Руси княгиня, а затем, чтоб в твоей благословенной школе кое-чему научить твоих славных отроков. Не гони меня, пресветлая и премудрая кудесница слова. Я буду зело рад, если мои скромные знания принесут хоть малую лепту в сокровищницу Ростова Великого. Причем я не потребую никакой платы. Я видел страшные разорения, и черный ломоть хлеба да кружка кваса будут для меня наилучшим брашном.

Мария с радостью приняла ученого мужа. А затем она добилась того, чтобы великокняжеское летописание было перенесено из сожженного Владимира в Ростов, и уже в 1239 году Мария составляет первый великокняжеский свод (спустя тридцать лет – второй).

– Почему ты взялась за сей огромный труд? – спросил Александр Ярославич.

– Если откровенно, то меня вынудило к этому нашествие ордынцев. После гибели мужа я не могла взять в руки меча, но у меня появилась другая возможность – сберечь от уничтожения русскую письменность, сохранить ее как величайшую сокровищницу, коя никакой цене не поддается. Составление летописи в лихую годину – наиболее яркая страница борьбы ручичей за свою независимость. Ведь летописи, над коими я и мои сподвижники сидели, отражали годовые события не только Ростова, но и других княжеств. Эти летописи мы отправляем во многие города, где их переписывают, а зачастую читают в виде проповедей с амвона церковей, кои разжигают в сердцах русских людей огонь гнева и возмущения бесчинствами и жестокостью врагов.

– Другими словами сказать, что из обычных летописных сводов, сложившихся на Руси, своды княгини Марии обрели общенародный патриотический глас.

– Ты прав, Александр, – твердо произнесла Мария. – Мы того и добиваемся, чтобы наши своды были глашатаями борьбы против ненавистного ига, придавая им нравственно-религиозное обрамление.

– И надо признать, княгиня, что собрание некрологов русским князьям, кои решительно отказались служить ненавистной Орде, звучат набатом. Чего стоят твои «Жития» Василька Ростовского и Михаила Черниговского! Ты, княгиня, взялась за труднейший и зело ответственный труд по созданию героических рассказов о подвигах русских князей, но не на поле брани, а в другом, более тяжком для них положении. Их зверски пытали, но они не захотели перейти на сторону врагов. Именно таким образом ты, Мария Михайловна, воспитываешь своими сводами убежденность и уверенность в победе русичей, вселяешь в их сердца стойкость и неприимиримость. Ведь надо честно признаться, что многие князья пали духом, растерялись, их обуял животный страх перед ордынцами. И вот сыскался человек, коему надо было их ободрить, вселить веру в будущую победу. Этот хрупкий, но мужественный человек передо мной. Тебе, княгиня, должна быть благодарна вся Русь.

Тонкое, чистое лицо Марии зарделось.

– Не слишком ли, Александр? Зачем такие высокие слова...

– Не слишком, Мария Михайловна. Все твои деяния говорят о величайшем значении, как самого Ростова, так и составленных в нем сводов для истории и культуры всего русского народа. Ты творишь огромное дело!

– Если так, то ловлю тебя на слове. Не зря я тебе заикнулась о Владимире. Ходят слухи, что Владимир намерен вернуть из Ростова великокняжеское летописание. Князь Андрей честолюбив, и он...

– Можешь не договаривать, Мария Михайловна. – По лицу Невского пробежала тень. – Я хорошо ведаю своего брата. Ты, пожалуй, права, но постараюсь убедить Андрея. Твои труды стоят того, чтобы я сделал крюк во Владимир.

Княгиня благодарно поклонилась Невскому в пояс. Он еще долго находился в затворе: беседовал с отроками, учеными мужами и особенно с Дионисием, который произвел на него неизгладимое впечатление. Сей муж знал не только несколько языков, не только блестяще цитировал иноземных литераторов, историков и ученых, но и весьма мудро отвечал на разные житейские вопросы. Глубина его мыслей была поразительной.

«Побольше бы таких ученых людей на Руси, как Мария и Дионисий», – невольно подумалось Александру.

Княгиня чутко прислушивалась к разговору князя и монаха и удовлетворенно кивала головой. Пусть Александр ведает, какие ученые мужи живут в Ростове, и что ни монах, то кладезь ума, и никто из них не собирается уходить во Владимир.

Покидал Невский Григорьевский затвор в возбужденном состоянии. Ни в одном городе Руси нет такого литературно-духовного средоточия. И не только. Ростов Великий, если дать ему определенное направление, может стать центром подготовки восстаний против ордынского ига. Но поймет ли Мария, какая громадная ответственность ляжет на ее плечи? Думается, поймет. Этой исключительной женщине ни мужества, ни силы духа не занимать.

Александр Невский, еще в начале вторжения полчищ Батгя, задался целью – выгнать с родной земли жестоких завоевателей, но, когда он увидел, что почти все русские княжества разорены и уничтожены, цель его несколько изменилась: надо выждать, когда княжества оправятся, и тогда уже готовить удар на ордынцев. Пока же надо вести с ханами тонкую игру и исподволь накапливать силы. И в этом плане Ростов должен занять ведущее место.

После шумной и веселой встречи с молодыми Александр Ярославич остался один на один с Борисом. Молвил:

– Жену свою, Марию Ярославну, не обижай. Кажись, славная она у тебя.

– И в мыслях того нет, Александр Ярославич. Надеюсь прожить так, как родители мои жили.

– Добрый пример... А теперь о делах потолкуем. С баскаком как живешь?

При упоминании баскака Туфана лицо молодого князя подернулось хмурью.

– В печенках сидит этот баскак. Стараюсь не враждовать, но противно видеть его рожу. Так и хочется схватиться за меч.

– О мече пока забудь, Борис. Напрочь забудь!

– И об этом мне говорит сам Александр Невский?! Да как можно спокойно взирать на эту надутую харю?

– Не кипятись, князь. Попусту меч из ножен токмо глупцы вынимают, и не тебе, пожалуй, это объяснять. Не время! Слушай свою мать, она у тебя мудрая женщина. Постарайся жить с баскаком мирно. Почаще дари подарки, приглашай на охоту. Татары это любят. А сам тем временем копи силу.

– Да как копить, Александр Ярославич? Баскак наперечет знает каждого моего дружинника. Сто человек – и не больше! И это на все княжество. Таков приказ хана Батгя. Ни меча, ни кольчуги не позволяет обновить. Каждую кузницу дозирует. Как-то один из ковалей попытался

кольчужную рубаху отковать. Так того коваля воины баскака увели к Туфану, и тот приказал его высечь плетью. Ремесленный люд было, возроптал да и дружина моя возмутилась. Быть бы побоищу, да мать меня остановила.

– Вдругорядь скажу: умница твоя мать. Ну, побил бы ты Туфана, так хан бы на Ростов целый тумен¹⁹ прислал. Ростов бы на сей раз сжег, а весь ремесленный люд и дружину твою в один час уничтожил.

– Так что же делать, Александр Ярославич? Терпя и камень треснет.

– Терпи, Борис, терпи. Тебе есть у кого доброго совета послушать... А я же такой бы совет дал. Добрые ремесленники, кои оружие могут ковать, пусть из Ростова в глухие места уходят. Забирают свое сручье²⁰ и потихоньку уходят.

– В лесах тайно оружие ковать? – оживился князь.

– Молодец, Борис Василькович, быстро смекнул. Ковать и ковать! Думаю, такие дебри у вас найдутся. Поразмысли над этим, сыщи надежного кузнеца и поручи ему подобрать тайное лесное уголье с рудой и речушкой, чтоб ни один поганый о нем не пронюхал. Баскаку же, коль убьешь в ремесленниках заподозрит, скажешь: бегут, неслухи, к каждому посадскому гридня не приставишь. И до нашествия из городов бежали, и ныне бегут, нечестивцы. И серчай, серчай побольше!

– Ловко придумал, Александр Ярославич! Вот так бы по всем княжествам оружия наготовить.

Невский лишь многозначительно улыбнулся.

---

¹⁹ *Тумен* – отряд в 10 тысяч воинов.

²⁰ *Сручье* – инструменты.

Глава 10. Старший брат Невского

Распрощавшись с Борисом, Александр Ярославич вновь вернулся в покои княгини. Их беседа была продолжительной, но носила уже иной характер. К концу разговора Мария Михайловна внезапно спросила:

– А ты помнишь, Александр, своего брата Федора?

– Федора? – переспросил Невский, и лицо его резко изменилось, стало замкнутым и отчужденным.

– Прости, Александр. Мы не так часто с тобой видимся, и один Бог ведает, увидимся ли вновь. Не знаю, как для тебя, но смерть твоего брата до сих пор остается для меня загадкой.

– А что твоя сестра говорит?

– Ефросинья в полном неведении.

Невский еще больше замкнулся.

* * *

Федор родился в 1216 году и был на четыре года старше Александра. Это был крепкий и красивый княжич, к тому же веселый и добрый. Княжича любил весь Переяславль.

– Не в отца поднимается Федор.

– Ярослав-то Всеволодович уж куды как зол и пакостлив, а сын его готов последнюю рубаху с себя снять. Худого слова от него не услышишь, не то что отец.

До Ярослава Всеволодовича доходили слова переяславцев, и он срывал гнев на сыне:

– Нет в тебе моего корня, Федька. Ты черни должен плеть показывать, а не калитой трясти. Ты чего это Ваське-кожемяке полную горсть серебра отвалил?

– Он в кулачном бою всех побил, вот я его и наградил.

– А твоего ли это ума дело? Ты что, князь переяславский? Придурок!

Ярослав Всеволодович доставал из-за голенища сафьянового сапога крученую плеть и принимался стегать сына.

– Да ты что, батя! – увертываясь от хлестких ударов, восклицал Федор. – Я же от чистого сердца Ваську наградил. Ты что?

Но Ярослав Всеволодович знай норовит достать плеткой сына. Кстати, плетки на Федора он никогда не жалел, потчевал за малейшую провинность, а то и просто так – для остратки. Ворчал:

– Не выйдет из тебя путного князя. Глуп как осел. А не я ль тебя наставляю, как настоящим князем стать?

– Через мерзость, подкупы и вероломство? Я так не могу, батя. Хочу честно людям в глаза смотреть.

– Опять ты за свое, дурак набитый!

И вновь принималась свистеть крученая плеточка.

Когда Федору стукнуло семнадцать лет, Ярослав Всеволодович решил: «Женить, дурака, и непременно на умнице. Таковую сыскать, дабы от всяких глупостей муженька отлучила».

Надумал с братом своим посоветоваться, великим князем Юрием Всеволодовичем. Тот долго не раздумывал, как на блюде поднес:

– Есть такая умница, даже чересчур. Давно в девках засиделась. А все из-за чего? В науки разные, вишь ли, влезла, за уши не оттащишь. Сказывают, шесть языков иноземных ведает, ума-де палата.

– Да кто ж такая? – удивился Ярослав. – Неужель, брате, еще одна Мария Черниговская на Руси появилась?

– В самую точку угодил. Старшая сестра ее, Феодулия. И умом взяла, и лицом пригожа. На Марию смахивает.

– Ну что ж, брате... Породниться с Михайлой Черниговским – большая честь для любого князя. Отдаст ли?

– Отдаст, коль сам великий князь поклонится.

– Уж порадей, брате.

– Порадею. Михайла Черниговский ныне на половца намерен идти, у северских князей помощи затребовал, но те не шибко-то и разбежались. Вновь свары меж собой затеяли, берегут свои дружины. А я Михайле пятьсот воинов пришлю, то немалое подспорье.

Ярослав Всеволодович с удивлением глянул на великого князя. И чего это он вдруг расщедрился? Обычно скуп, воды из него не выжмешь, а тут целое войско Михайле Черниговскому отвалил. Не из-за Федьки же!

Спросил напрямик:

– Какая выгода тебе, брате, такую дружину посылать?

– А когда я без выгоды чего делал? – довольно ухмыльнулся Юрий Всеволодович. – Это вас всех учить надо, пропали бы без меня. Так мотай на ус. Давненько меня притягивает Черная Русь²¹. Лакомый кусок, не зря на него Немецкий орден и Литва зарятся. Я Михайле помогу, а он мне. Пирогом же вместе поделимся, хе-хе.

Михайла Черниговский отнесся к предложению великого князя с должным пониманием. Он, горячий сторонник объединения всех русских земель, и сам давно помышлял сблизиться с Черной Русью.

Венчание наметили на Покров-свадебник 1233 года. Жених и невеста друг друга до свадьбы не видели. (Смотрин зачастую не делали: все решали родители.) Правда, Феодулии рассказали, что жених красив лицом и нравом добрый. Видел жениха ближний боярин Федор Андреевич, бывавший по делам в Переяславском княжестве. А ближнему боярину, одному из своих учителей, княжна бесконечно доверяла.

– Славный княжич, душевный, нравом веселый. С таким счастливо проживешь.

Княжна была весьма довольна рассказом боярина, а вот княжич Федор Ярославич с первого же дня, узнав о намерении отца, потерял всякий покой. Он уже второй год был безумно влюблен в местную боярышню Аринушку, стройную, кареглазую девушку с ласковым сердцем. Встречались редко, накоротке, да и то украдкой. Но какими были эти счастливые минуты! Какое блаженство испытывали Федор и Аринушка!

Однажды всепоглощающая страсть их так захватила, что Аринушка полностью отдалась своему любимому. Это случилось в конце июля, и через месяц боярышня еще ничего не почувствовала. Не догадывался о беременности своей лады и княжич Федор. Как-то им удалось еще раз встретиться, и вновь был незабываемый, волшебный час.

И вдруг как гром среди ясного неба. В покои вбежал разгневанный отец и коршуном налетел на сына:

– Кто тебе позволил с дочкой боярина Григория Хоромского снюхаться?! Сучий сын!

Федор на какой-то миг растерялся, он не знал, что и ответить отцу. А может, он еще ничего толком и не ведал?

– Чего застыл, как пень? Не такой, оказывается, ты простачок. И времечко подобрал подходящее. Я – в Чернигов, а Хоромский с боярыней на богомолье снарядились, а деточки – в глухой садик. Ах ты, поганец!

Долго бушевал, а когда остыл, ткнул мясистым перстом на лавку и жестко молвил:

– Садись и слушай мое отцовское повеление. На Покров женю тебя, дурака, на дочери князя черниговского, княжне Феодулии.

---

²¹ *Черная Русь* – Полоцко-Минские земли запада Руси (будущая Белоруссия).

Неожиданная новость повергла княжича в оторопь.

– Невеста богатая, умом горазда. Хватит тебе баклуши бить.

Федор встал на колени.

– Не нужна мне княжна черниговская. Выдай меня за Арину Хоромскую. Христом Богом умоляю, батюшка!

– Ты что, оглох или белены объелся? Сказано – за Феодулию, и будь радешенек родительскую волю исполнять.

Федор был потрясен, он закрылся в своей комнате и никого не впускал, а затем, за день до свадьбы, бледный, весь потухший, зашел к своему младшему брату Александру, кой уже слышал о предстоящей свадьбе.

Федор, со слезами на глазах, ходил взад-вперед по покоям и с отчаянием в голосе твердил:

– Не хочу никакой свадьбы. Не хочу!.. Уж лучше сбегу куда-нибудь. Я одну Аринушку люблю, одну Аринушку!

– А возьми да и сбеги, подумаешь родительская воля, – неожиданно для себя ляпнул вдруг кощунственные слова тринадцатилетний Александр.

– И сбегу! А то и...

...После продолжительного молчания Александр Невский раздумчиво и горько произнес:

– Это были последние слова, кои услышал я от брата. А дальше... дальше сплошные загадки. Отец приставил к Федору стражу. Брат не мог выйти даже на крыльцо. Под окнами его комнаты стояли караульные. Тем временем приехали великий князь с княгиней Феодосеей, твои родители, с дочерью Феодулией. Близился час венчания в соборном храме, но жених так и не вышел к невесте. Зато вышел отец с заплаканным лицом и объявил: «Княжич Федор скончался от сердечного удара».

Феодулия упала в беспамятстве и на другой же день постриглась в суздальский Ризоположенский монастырь под именем Ефросиньи. Ты ведь посещала Суздаль, княгиня?

– И неоднократно. Но сестра ничего не знает о таинственной смерти твоего брата... Да и что она может знать или о чем-то догадываться. Ведь она в глаза не видела Федора.

– А ты, Мария Михайловна, о чем-то догадываешься?

– Да, Александр. Твой брат не мог погибнуть от внезапного сердечного приступа. Он никогда не жаловался на сердце. Это уж твой отец распустил слух, что его сын иногда страдал грудной жабой. Суцая ложь. Здесь одно из двух: либо Федор сам выпил отравленное зелье, либо ему подмешал в кубок отец. Я даже представляю себе такую картину. Все высокие и почетные гости собрались в храме, а твой отец с сыном так и не могут выйти из своих хором. Федор наотрез отказывается выйти к венцу. Ярослав Всеволодович всячески уговаривает, но сын тверд и неумолим. Тогда князь Ярослав со страхом понимает: его ждет несмыслимый позор. Великий позор! Сын вышел из послушания отца. Ярослав представляет, как над ним будет смеяться вся Русь. И тогда он принимает чудовищное решение – убить сына. Это единственный способ избавиться от позора.

Ярослав примиренчески говорит Федору: «Хорошо, сын. Я пойду тебе навстречу и отменю свадьбу. Жди меня здесь с ответом невесты. Я придумал, что ей сказать».

Но Ярослав идет не в храм, а в свои покои и возвращается с двумя кубками.

«Я все уладил, сынок. Выпьем за благополучный исход».

«Но что ты сказал невесте?» – жалея Феодулию, спрашивает Федор.

«Она – умная девушка. Немного огорчилась, но простила тебя. А теперь выпьем, к твоей радости. Отдам тебя за дочь Хоромского».

Федор с удовольствием осушает кубок и замертво падает.

Ярослав надежно прячет кубок в своих покоях, а затем посылает ближнего холопа в покои сына: «Глянь, собрался ли, наконец, к венцу Федор. Уж до чего нерасторопный!».

Холоп вскоре возвращается: «Твой сын мертв, князь!»

Ярослав Всеволодович делает испуганное лицо и бежит в комнату Федора...

– У тебя богатое воображение, Мария Михайловна, но оно настолько убедительно, что начинаешь верить в твоё предположение. Теперь мне легче понимать, как ты писала своё «Слово»... Но есть и другая загадка. Что стало с дочерью Хоромского?

– Мне известно, Александр, лишь то, что известно и тебе. В день смерти Федора Арина Хоромская бесследно исчезла. Можно выдвинуть несколько домыслов, правда, один из них вполне вероятен. Арина, догадавшись, что у неё будет ребенок, решила покинуть отчий дом. Если у неё где-то родилась дочь, то ей сейчас уже шестнадцать лет. А может, и отыщется когда-нибудь твоя племянница, Александр.

– А лучше бы племянник, – грустно улыбнулся Невский и добавил: – Но мне почему-то кажется, что Арина покончила с собой. Уж слишком трудно вынести бесчестье на Руси, уж слишком крепки наши древние устои.

Перед самым отъездом Александр Ярославич вспомнил про Спасо-Песковский Княгинин монастырь.

– Ведутся ли работы твоей западной крепости?

– С трудом, Александр. Десятый год монастырь поднимаем. Хочешь глянуть?

– Непременно, Мария Михайловна.

Перед обителью, коя возводилась в двух верстах от Ростова, Александр Ярославич снял шапку и широко перекрестился на купола храма, что стоял вблизи строящегося монастыря.

– То храм Архангела Михаила, – пояснила княгиня. – Священное для ростовцев место. Поставлен храм епископом Леонтием в одиннадцатом веке. Не случайно обок и монастырь поднимается.

– Доброе место выбрала, Мария Михайловна. На мысу озера. Вижу, годика через два готов будет твой мужской монастырь. Для любого врага – крепкий орешек... Ну а что касается твоей просьбы, я не забуду. Может, и впрямь такое случится, что Ростов Великий станет центром подготовки восстаний против лютого ордынца. Да хранит тебя Бог, Мария!

Глава 11. Лазутка Скитник

Молодому князю Борису Васильковичу крепко запали в душу слова Александра Невского, своего двоюродного дяди. Оружейных мастеров – в леса! Хитро придумано. Оружье до зарезу нужно. С дубиной на татарина не пойдешь...

Но с чего начать и с кем повести нелегкий разговор? Не каждый кузнец снимется с насиженного места.

Пригласил к себе ближнего боярина и воеводу Неждана Ивановича Корзуна. Тот был мрачен и неразговорчив, куда девалась его прежняя общительность и веселость. Три недели назад боярин схоронил жену Любаву Светозаровну, кою (все ведали) бесконечно любил.

Любава крепко застудилась, когда уезжала вкуче с другими семьями от татар в Белоозеро. Кажись, поправилась, но с тех пор стала покашливать, а последние годы все чаще и чаще стала жаловаться на боли в правой стороне груди. Да так и слегла. Неждан Иванович тяжело переживал; когда шел за гробом, не скрывал неутешных слез.

Потрясена была смертью и княгиня Мария: скончалась ее любимица, ближняя боярыня. Чуть ли не каждый день она посещала Неждана и как могла его утешала. А Корзун был беспредельно подавлен: трудно, чрезвычайно трудно свыкнуться, когда из жизни уходит самый любимый человек.

Было Корзуну около сорока лет, возраст для мужчины солидный, но Неждан Иванович своих лет не ощущал, выглядел моложаво, был подвижен, строен и гибок телом. Молодцевато, по-юношески взлетал на коня. Русые кудри, красиво разметанные по широким плечам, такая же красивая курчавая бородка и улыбчивые синие глаза сводили с ума многих боярышень, но Неждан Иванович, казалось, не замечал на себе жарких ищущих взглядов. Такую, как его Любавушка, думал он, ему уже не найти. Он будет жить вдовцом, так, как живет княгиня Мария, в 28 лет оставшись без мужа. А ведь коль не ушла в монастырь, могла бы вновь жить при новом супруге. («Правда» Ярослава Мудрого такое позволяет), но Мария настолько глубоко любила своего Василька, что и мысли не допускала о каком-то другом муже. Великая женщина!

Витаясь²² с боярином, Борис Василькович не стал лишний раз беречь рану Неждану воспоминанием о супруге, а сразу перешел к делу, рассказав о предложении Невского.

Неждан тотчас заинтересовался:

– Добрую мысль подал Александр Ярославич. Надо бы с Ошаней потолковать.

– Кто такой?

Корзун, не скрывая удивления, глянул на князя.

– Прости, Борис Василькович, но я-то думал, что ты нашего знаменитого кузнеца ведаешь.

– Ране мне не до кузнецов было, – строго отозвался князь. – То в Белоозере скрывался, то к ханам на поклон ездил, то беглых оратаев разыскивал. Дань-то этому треклятому баскаку хоть тресни, но платить надо... Что за Ошаня?

– Ему уже за восемьдесят, но еще крепкий старик. С малых лет простоял у горна, но ныне ослеп. В кузню свою до сей поры ходит и на подручных покрикивает. Отец твой, Василько Константинович, жаловал кузнеца, от всякого тягла его освободил. Ныне же Ошаня Данилыч скучает. Подручные его сохи мужикам да ухваты бабам куют. Работа грубая, не тонкая. Это тебе не булатный меч и не кольчуга.

– Кой прок от слепого старика?

---

²² Витаясь – здороваясь.

– Вдругорядь прости, князь. Этого старика почитает весь ремесленный люд, и, коль он попросит уйти мастеров в лес, его послушают. Но здесь и наше слово будет не последним.

– Позови мне этого старика.

Корзун незаметно вздохнул: юн еще Борис, никак не привыкнет к своему высокому княжескому званию, кое обязывает его лишь повелевать и приказывать, а то, что в таком серьезном деле ему самому надо наведаться к ковалю, до него не доходит. Ошаня-то и зрячим никогда в княжеских палатах не бывал, к нему и Константин, и сын его Василько сами в кузню приходили.

– Пожалей слепого, князь. Не лучше ли нам самим Ошаню посетить, как это всегда делал Василько Константинович.

Борис старался во многом походить на отца, поэтому ответил без раздумий:

– Ты прав, Неждан Иванович. Наведаемся к ковалю.

Ошаню долго уговаривать не пришлось. Ожил, загорелся старик:

– Давно пора за доброе оружие взяться. Мои ребяташки истосковались, срам в кузню ходить.

– Но пойдут ли в леса?

– За своих ручаюсь, князь. Никто из пятерых и слова поперек не скажет. А вот за других ковалей поручиться не могу. Толковать надо.

– Потолкуй, Ошаня Данилыч, – как можно теплее попросил Борис Василькович. – А я уж ничем не обижу, щедро награжу.

– Деньги – пух, – махнул рукой Ошаня, – дунь на них – и нет их. Настоящий коваль, коль работа по сердцу, о барыше не думает. Дело в другом, князь. У всех путных ковалей семьи. Каково в дебри с ребятней срываться?

– И в дебрях помогу обустроиться. Главное – добрую артель сколотить.

– Потолкую, – вновь молвил Ошаня.

* * *

Неожиданно все дело уперлось в Лазутку.

Через три дня вновь навестив кузнеца, боярин Корзун спросил:

– Как потолковал, Ошаня Данилыч?

– Да, кажись, не худо. Уговорил десяток мастеров.

– Молодцом, Ошаня Данилыч... Но всяк ли надежный? Никто не проговорится? Об этом ни одна душа не должна узнать – татары под боком.

– Обижаешь, боярин. Я этих мастеров с зыбки ведаю. Кремень, лишнего не вякнут... Тут об ином речь. Кузня не токмо леса требует, но и руды с водой. Много руды! Без одного кузне не дымить. Просто так в лес не сунешься, особливые места надо ведать. А среди нас такого лесовика нет.

Неждан пощипал, пощипал русую бородку и обнадеживающе молвил:

– Есть такой. Леса вдоль и поперек знает, приметы всякие ведает, по ним и руду сыщет.

Сам постараюсь его разыскать.

– Ты уж порадей, боярин.

Ошаня Данилыч стоял, опираясь на клюку. Медное, сухошавое лицо его, обрамленное волнистой серебряной бородой, продолжало оставаться озабоченным.

– Что-то еще, Ошаня Данилыч?

– Ковалю кузня – дом родной, а вот хозяйка с ребятней в шалаше не проживет. Избенка нужна, а для одного плотничья артель понадобится. Вот в чем загвоздка, Неждан Иваныч.

– Есть добрый древодел на примете?

– Добрых древоделов, слава Богу, на Ростове хватает. И работы у них ныне по горло. Выжженные села и деревеньки рубят. Отозвать их тяжело. Тут башковитый вожак нужен, и желательно тот, кой ныне в Ростове топоришком тюкает. С деревенек снимать никак нельзя.

– Да уж ведаю, Ошаня Данилыч. Что в деревне родится, тем и город живет... Так кого же из ростовских надоумить?

– Ведаю одного искусного древодела. На Сить ходил, сберег его Господь. Сидорка Ревяка. Может, слышал такого?

– Как не слышать? На вече он самый речистый мужик. Помню, как он княжьего тиуна за лихоимство в поруб засадил. Смелый мужик.

– Смелый, боярин. Но мне его не уговорить. Он человек с задоринкой, к нему особый подход нужен.

– А не слышал, где он ныне?

– У княгини Марии в монастыре трудничает.

Отъезжая с Подозерки в свои хоромы, Неждан Иванович раздумывал: «Вот и здесь нужен Лазутка. Древодел Сидорка Ревяка один из его дружков. Они и на Сити держались вместе, и из ордынского заслона вместе пробивались. Надо немешкотно искать Лазутку. Говорят, что видели его две недели назад в городе и с тех пор как в воду канул. Знать, нашел свою семью и исчез. Хоть бы в терем зашел, словом обмолвился. И когда он теперь в Ростове появится?»

* * *

Утром все мужики пришли к избе старосты.

– С великой нуждой к тебе, Лазута Егорыч. Запасы соли давно у всех кончились. Может, окажешь милость свою и выберешься в Ростов?

– Выбраться немудрено. Мудрено соли купить. Варницы басурманами порушены, а за привозную соль купцы такую цену заламывают, что никаких денег не хватит. У меня, вишь ли, всех богатств – вошь на аркане да блоха на цепи.

– Верим, милостивец, но и мы без денег сидим.

Деньги в Ядрове (так мужики прозвали свою деревню) не требовались. Жили на всем готовом: сами засевали рожь и ячмень, горох и овес, прихваченные из сусеков еще в год бегства, сами убирали в страду и складывали в суслоны хлеб, сами молотили цепями на мирском гумне и мололи на тяжелых самодельных жерновах. С хлебом не бедствовали: ни князь, ни боярин, ни тиун над душой не стоят, что наработал, то и в свой сусек. То же и с мясом, и с рыбой. Наловчились зверя и дичь бить, щуку, окуня и карася вершами, мережами и бреднями вылавливать. И медок имели. Теперь бортник Петруха и носу из леса не показывал: новый князь и не ведал, что у него пропадает доброе бортное уголье. Петруха не скряга, много меду и в два горла не съешь. Почитай, всю добычу раздавал мужикам, а те делились хлебушком, мясом и рыбой.

Одним словом: не сидела в затуге деревенька Ядрово. На четвертый год татарского нашествия и своим льном разжились, бабы вспомнили про прялки и веретена, одежонка появилась.

А вот с солью сущая беда. Без соли на Руси и за стол не садятся, но куда денешься. Вся надежда на старосту. В Ростове его не трогают: добрый знакомец ближнего боярина Неждана Корзуна. Лазутку сама княгиня Мария ведает. Но как ему удастся без денег соль раздобыть? Надо полную седельную суму (что коню наперевес) набить. Это добрых четыре пуда. Мудрено!

* * *

Третье посещение Ростова обернулось для Лазутки удачей. Тесть два дня назад прибыл из Новгорода и теперь сидел с зятем за обеденным столом.

– Порадовал ты меня, Лазутка. И Олеся, и внуки в добром здравии. Скоро ли в дом?
– В Угожах надо новую избу рубить, а в Ростов возвращаться – и того хуже. Поганые в любой час могут на город навалиться. Степняки злы. Чуть князь с ними не поладит или на дань поскупится – и прощай град. Так что потерпи, Василий Демьяныч. Дочь твоя и внуки в более надежном месте.

– Да уж Секлетеея сказывала, – хмурил крылатые, колосистые брови купец, но сердца на Лазутку не держал. Лихолетье на Руси, может, зять и прав. Одно странно: зять ни в какую не хочет говорить, где отсиживается Олеся с внуками.

– И чего таишься? Я ведь тебе не чужой, к соседу языком трепать не побегу.

– Береги бровь, глаз цел будет, – ввернул Лазутка. – Настанет время, все узнаешь.

Если бы у Петрухи-бортника жила одна Олеся, Лазутка бы не стал скрытничать. Но теперь на заимке Петрухи выросла целая беглая деревня, поэтому лучше держать язык за зубами.

– Я ведь к тебе с просьбой, Василий Демьяныч. Помощь нужна.

– Коль что внукам аль Олесе – всегда готов. Сказывай!

– И внукам, и Олесе, и мне на расходы. Три гривны серебра.

– Три гривны? – ахнул купец. – Деньги немалые... Коль ребятенки обносились, так я и без денег одежонку дам. Я, чай, купец, товаришко имею. И для Олеси обнову из Новгорода привез. И летник, и сапожки на меху, и добрый кожушок для зимы. Забирай без всяких денег, Лазутка.

Скитник попал впросак: надо было похитрее о деньгах спрашивать. Пришлось изворачиваться:

– За наряды спасибо, Василь Демьяныч. Кожушок непременно Олесе захвачу. Но мне нужны живые деньги. Именно три гривны. Ты не удивляйся и не переживай, деньги я тебе верну. Слово даю.

– Аль опять к боярину Корзуну побежишь, своему благодетелю? Вот бы и попросил у него, не откажет.

– Не откажет, но к боярину я за деньгами не пойду. Я к тебе пришел, Василь Демьяныч... Ну а коль не при деньгах – извиняй.

Лазутка вышел из-за стола и нахлобучил шапку.

– Не суетись! – строго прикрикнул купец и, ничего не сказав зятю, пошел в опочивальню. Вернулся с деньгами.

– Получай свои гривны, хотя и темнишь ты, Лазутка. Не был бы мужем Олеси, и единой монеты не дал бы.

– Так я знал, чью девку красть, – рассмеялся Скитник.

* * *

Один из холопов донес:

– Лазутка Скитник в городе, боярин. Ныне у своего тестя остановился.

Не показывая холопу своего удовлетворения, Неждан Иванович сухо приказал:

– Ступай вспять. Когда Лазутка выйдет, молви, что боярин Корзун ждет по важному делу. Но чтоб не на глазах купца.

Где-то через час Лазутка оказался в покоях боярина. Выслушав Неждана Ивановича, Скитник надолго ушел в себя, и боярин никак не мог истолковать, почему надолго замолчал этот мужик – ямщик, плотник, кузнец, пахарь, воин, чьи богатырские руки свычны к любой работе. Конечно, он понимает, какой груз ответственности ложится на его плечи, но думка его наверняка не об этом а, о чем-то более затаенном и глубоком.

– Все, кажись, выполнимо, боярин, – и оружейных мастеров разместить, и рудные места показать, и древоделов подобрать.

– Тогда в чем закавыка?

– А закавыка в том, боярин, что один Ростов погоды не сделает.

– Выходит, одному Ростову и замышлять нечего?

– Нечего, боярин! – веско произнес Лазутка. – На оные тайные поселения надо многих князей подбить, иначе не стоит и дело затевать. Одной рукой и узла не завяжешь.

Неждан Иванович одобрительно посмотрел на Скитника.

– Здравомыслишь, Лазутка. Ни одному княжеству ныне с Ордой не управиться. Хочу тебя обрадовать. Такие поселения ныне и в других уделах окажутся. И княгиня Мария, и князь Борис, и переяславский Александр Ярославич благословили лесные братства. Так что Ростово-Суздальская Русь без оружия не останется.

– Слава тебе, Господи! – истово и размашисто перекрестился Лазутка. – Тогда другое дело, Неждан Иваныч. Воистину порадовал ты меня, а то на душе кошки скребли. Вместе хорошо любого недруга бить.

– Но будь осторожен, Лазутка, и других о том упреди. Ни один татарин не должен изведать о лесных скрытиях.

– Мог бы и не предупреждать, боярин, – произнес Скитник и вновь о чем-то призадумался. Кузнецов и артель плотников, если все получится, он сведет в Ядрово. Там и речушка есть, и ржавые болота с рудой. Но как быть с беглыми мужиками? Они бы изрядно помогли на первых порах новопришельцам. Боярин же, несомненно, надумает побывать в «лесных скрытиях» и увидит там своих бежан из Угожей. Хочешь не хочешь, но придется боярину все рассказать.

И Лазутка выдал свою тайну, на что Корзун и не подумал гневаться – напротив, даже повеселел:

– А я уж грешным делом подумал, что сгинули мои мужички, а они живут – и в ус не дуют. Ну, Лазутка! Нечего было и раньше скрывать. Никого в Угожи не погоню и никого на оброк не посажу, уж коль так судьба распорядилась. Лишь с тебя, старосты, будет особый спрос.

– И какой же, боярин?

– Дабы на добрую дружину оружия наковал.

Глава 12. За правое дело!

Десять ковалей с подручными и шестеро древоделов собрались глухой ночью в кузню Ошани. С минуты на минуту ждали боярина Корзуна.

Подле Лазутки сидел на груде железного хлама Сидорка Ревяка. С ним был самый трудный разговор. Сидорку увлекла работа в Княгинином монастыре: это тебе не амбар или избу рубить. Здесь дерево – лишь подспорье для каменных дел мастеров, но это подспорье надо настолько точно, искусно подогнать, что душа радуется. Такой затейливой работы никогда еще Ревяке делать не приходилось. Вот почему он сразу наотрез отказался от любого другого дела.

– И не упрашивай, друже. На сей раз я тебе не помощник. И чего я в твоих лешачьих местах не видел?

– А татар в Ростове видел, как они хозяевами по городу разъезжают и плетками народ стегают?

– Да при чем тут басурмане?

Пришлось Лазутке все выложить, ничего не скрывая, но и после этого Сидорка отнесся к словам Скитника настороженно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.